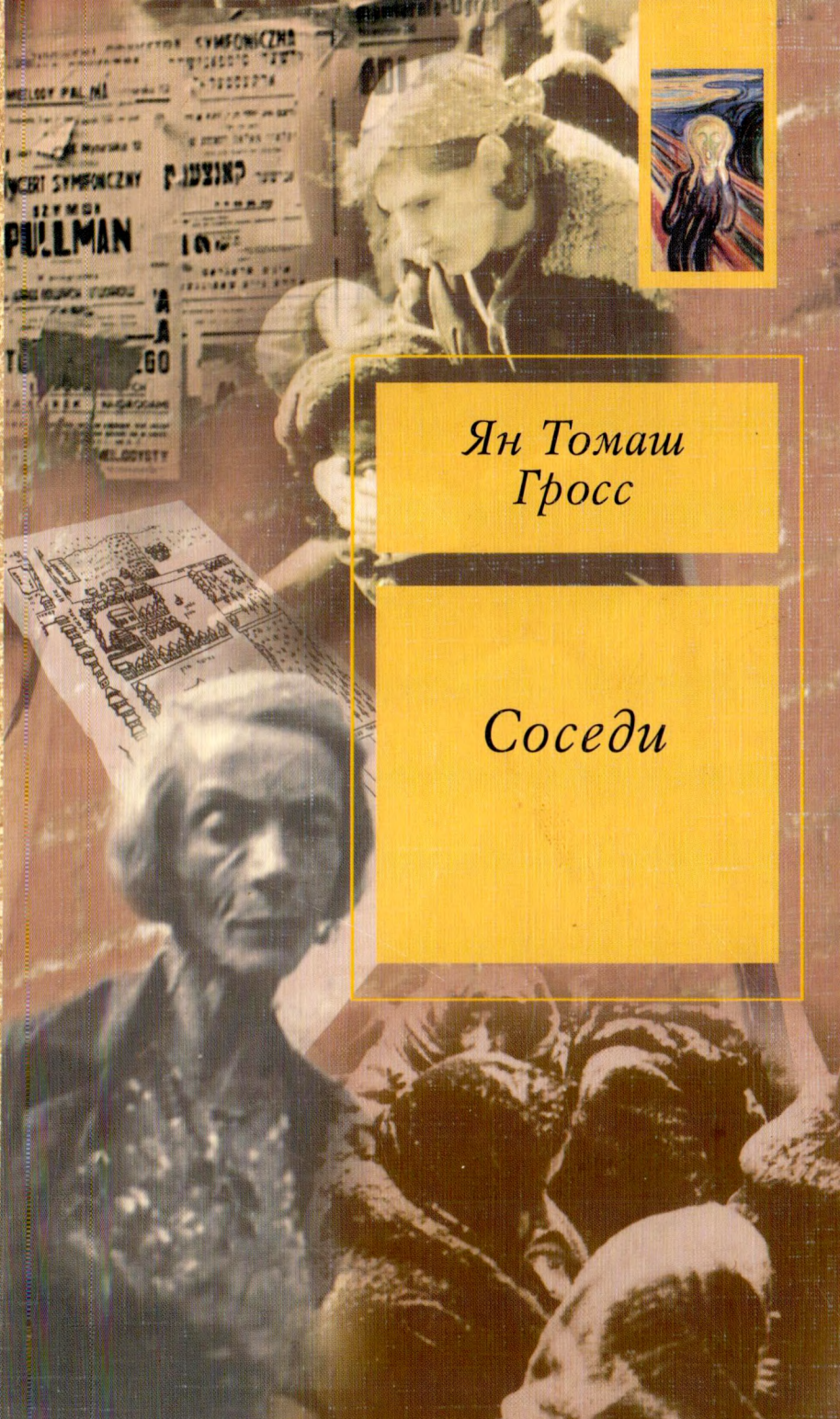

Я.Т. ГРОСС Соседи

Ян Томаш
Гросс

Соседи

*Книга издана при поддержке
благотворительной организации
Институт «Открытое общество»
(Фонд Сороса)— Россия
в рамках программы
«Горячие точки»*

*Jan Tomasz
Gross*

Sąsiedzi

HISTORIA ZAGŁADY
ŻYDOWSKIEGO MIASTECZKA

Ян Томаш
Гросс

Соседи

ИСТОРИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ
ЕВРЕЙСКОГО МЕСТЕЧКА

*Перевод с польского
В.С.Кулагиной-Ярцевой*

*Предисловие
Адама Михника*

«ТЕКСТ»
ЖУРНАЛ «ДРУЖБА НАРОДОВ»
МОСКВА 2002

УДК 323/324
ББК 66.5(4/8)
Г88

Художник Антонина Иващенко

*В оформлении серии
использован фрагмент картины
Эдварда Мунка «Крик»*

ISBN 5-7516-0321-4

© Copyright by Jan Tomasz Gross

© Copyright by Fundacja «Pogranicze»

Sejny 2000. Wydanie II

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

© «Текст», издание на русском языке, 2002

ПО НАКАЗУ СОВЕСТИ

Книга Гросса вызвала шок, масштабы которого сравнимы разве что с откликами на книгу Ханны Арендт «Эйхман в Иерусалиме». Арендт писала о сотрудничестве некоторых еврейских кругов с нацистами: «Еврейские советы старейшин информировались Эйхманом или его подчиненными о том, сколько евреев надобно для наполнения каждого эшелона, ими составлялись списки депортированных. Евреи регистрировались, заполняли бесчисленное множество анкет, отвечали на вопросы о своем имуществе, что облегчало его разграбление, затем собирались в назначенном месте и садились в поезда. Тех немногих, кто пытался скрыться или сбежать, отлавливала специальная еврейская полиция...»

Не утверждает ли тем самым автор, что евреи сами уничтожали евреев, — задавались вопросом еврейские критики после выхода книги Арендт.

Отклики в Польше на книгу «Соседи» были столь же эмоциональны. Рядовой польский читатель не хотел верить, что нечто подобное могло случиться. Признаться, я тоже посчитал, что мой друг Ян Томаш Гросс стал жертвой мистификации. И все же преступление в Едвабне, которому предшествовал зверский погром евреев, имело место и должно тяжким грузом отложиться в массовом сознании поляков. И в моем личном тоже. Дебаты на тему преступления в Едвабне делятся среди поляков уже несколько ме-

Печатается с разрешения редакции «Общей газеты».

сяцев. Им сопутствует серьезность, вдумчивость, боль и ужас, как будто всему обществу приказано вдруг нести бремя страшного преступления, совершенного 60 лет назад. Как будто всем полякам приказано коллективно признать вину и просить прощения.

Действительно ли в годы войны поляки вместе с немцами убивали евреев? Большой абсурд трудно себе представить. Нет ни одной польской семьи, которую бы не покалечили гитлеровский нацизм и советский коммунизм. Эти две тоталитарные диктатуры поглотили три миллиона поляков и еще три миллиона польских граждан, причисленных гитлеровцами к евреям. Польша первой сказала категорическое «нет» гитлеровским требованиям и первой предприняла вооруженное сопротивление гитлеровской агрессии. Ни одно воинское подразделение под польским флагом не сражалось на стороне Третьего рейха. Подвергнутые нападению двух тоталитарных диктатур в результате пакта Риббентропа — Молотова, поляки сражались до последнего дня в армиях антигитлеровской коалиции. В Польше существовало широкое движение сопротивления, активно действовало вооруженное подполье.

После войны, когда в свободных странах пришло время раздумий над последствиями нацизма и Холокоста, в Польше сталинский террор на многие годы заблокировал дискуссию об антисемитизме. А его традиции имели там глубокие корни. В Польше XIX века, как и во всех странах нашего региона, населенного евреями, антисемитизм был идеологическим связующим звеном политического лагеря — национальной демократии. В межвоенный период антисемитизм был уже прочным фактором радикальной идеологии правых националистических сил. Мощные антисемитские акценты можно было услышать в высказываниях иерархов католической церкви. Втиснутая между гитлеровской Германией и сталинской Россией Польша не

сумела установить порядочных отношений с нацменьшинствами, в том числе с еврейской общиной.

Однако в годы гитлеровской оккупации польские правые националистические силы, в отличие от большинства стран Европы, не пошли по пути коллаборационизма с нацистами. Польские антисемиты сражались против Гитлера, а некоторые из них даже участвовали в акциях спасения евреев, хотя за это им грозила смерть. Так возник специфический польский парадокс — на оккупированной польской земле можно было одновременно быть антисемитом, героем антигитлеровского сопротивления и участником операций по спасению евреев.

Несколько лет назад известный польский интеллектуал Ян Блоньский опубликовал в еженедельнике «Тыгодник повшехны» эссе именно об этом парадоксе. Он напомнил о громком воззвании католического фронта возрождения Польши, написанном католической писательницей Зофией Коссак-Шчуцкой. В этом воззвании, прозвучавшем в августе 42-го, можно прочитать: «В варшавском гетто, отделенном стеной от мира, несколько сот тысяч смертников ждут смерти. У них нет надежды на спасение. К ним никто не придет на помощь. Количество убитых евреев перевалило за миллион, и эта цифра увеличивается с каждым днем. Гибнут все. Богатые и бедные, старцы, женщины, мужчины, молодежь, грудные дети, с именем Иисуса и Девы Марии на устах умирают католики и старообрядцы. Они виноваты лишь в том, что родились евреями, приговоренными Гитлером к уничтожению.

Мир глядит на эти преступления, самые страшные из всех, что видела история, и молчит...

Дальше нельзя терпеть. Тот, кто молчит перед фактом убийства, тот сам становится пособником убийцы. Кто не осуждает — тот разрешает. Поэтому поднимаем голос мы, поляки-католики. Наши чувства в отношении евреев не изменятся. Мы по-прежнему считаем их политическими,

экономическими и идейными врагами Польши. Более того, мы отдаем себе отчет в том, что они ненавидят нас больше, чем немцев, что возлагают на нас вину за свое несчастье. Почему, на каком основании — это остается тайной еврейской души, неустанно подтверждаемой фактами. Осознание этих чувств не освобождает нас от обязанности осудить преступления...

В упорном молчании международного еврейского сообщества, в увертках немецкой пропаганды, стремящейся сбросить вину за резню евреев на литовцев и поляков, мы чувствуем враждебную для нас акцию...»

Это воззвание иллюстрирует парадокс польского отношения к погибавшим евреям. Уже после войны Коссак-Щуцка описывала этот парадокс в письме к своей знакомой: «Однажды на мосту им. Кербендзя немец заметил поляка, угощавшего голодного еврейского ребенка. Подскочил и приказал поляку бросить ребенка немедленно в воду, иначе сам застрелит и жиденка, и дававшего милостыню.

— Ничем ему не поможешь, — кричал немец, — я так или иначе его убью. У него нет права быть здесь. А ты можешь или уйти, если его утопишь, или я тебя застрелю. Считаю до трех. Внимание, раз... два...

Поляк не выдержал, в отчаянии бросил ребенка с моста в реку. Немец похлопал поляка по плечу. Bravo. Они разошлись, а через два дня поляк повесился».

Дальнейшей жизни поляков сопутствовала особая травма, которая давала о себе знать всегда, когда появлялись дискуссии на тему антисемитизма, польско-еврейских отношений, Холокоста. Ведь где-то в подсознании поляков засела память о том, что это они вселялись в квартиры евреев, сначала отправленных в гетто, а потом казненных гитлеровцами.

...Пишу эти строки осторожно, взвешиваю слова, повторяя за Монтескье: «Благодаря природе, я — человек, благодаря

случаю, я — француз». Так и я: благодаря случаю — поляк с еврейскими корнями. Почти всю мою семью поглотил Холокост, мои близкие могли погибнуть в Едвабне. Некоторые из них были коммунистами или родственниками коммунистов, некоторые были ремесленниками, торговцами, может, и раввинами. Но все были евреями. Своей вины перед теми погибшими не чувствую — чувствую ответственность. Не за то, что их убили, — этого предотвратить я не мог. А за то, что после смерти их убили второй раз, — по-человечески не похоронили, не оплакали, не раскрыли правду об этом позорном преступлении, но разрешили десятилетиями обманывать. И это уже моя вина. Не хватило воображения, времени, из-за своего оппортунизма и духовного лентяйства не задал себе некоторых вопросов, не искал ответов. Почему? Ведь принадлежал к тем, кто активно включился в раскрытие правды о преступлении в Катыни, добивался познания истины о сталинских процессах, о жертвах коммунистического репрессивного аппарата. Почему же не искал правды об уничтоженных в Едвабне евреях? Быть может, подсознательно боялся ее?

А ведь дикая толпа в Едвабне не была одинокой. Во всех странах, поработанных после 1939 года Советским Союзом, летом и осенью 1941 года происходили жуткие преступления против евреев. Они погибали от рук соседей — литовских, латышских, эстонских, украинских, российских, белорусских. Думаю, пришло время узнать наконец всю правду об этих кошмарных событиях. Пишу эти слова и снова ощущаю специфическую шизофрению: я — поляк, а мой стыд за преступление в Едвабне — это польский стыд. При этом знаю, что, окажись сам тогда в Едвабне, был бы убит как еврей.

Так кто же, наконец, я, пишущий эти слова? Благодаря природе, я — человек, отвечающий перед другими людьми за то, что сделал и чего не сделал. Благодаря моему выбору, я — поляк и отвечаю перед всем миром за то зло, кото-

рое сотворили мои соотечественники. Делаю это осознанно, по наказу собственной совести.

Но одновременно пишу все это как еврей, ощущающий глубокое братство с теми, кого убивали тогда как евреев. Именно исходя из этого должен заявить: тот, кто пытается вырвать преступление в Едвабне из контекста эпохи и построить на нем некое обобщение; тот, кто утверждает, что так вели себя только поляки, и все поляки, — тот насаждает ложь такую же мерзкую, как и многолетнее вранье о преступлении в Едвабне.

Адам МИХНИК

СОСЕДИ

Памяти Шмуля Васерштайна

Гей, двадцать лет назад
У нас, в Ломже, в зале
Гитлеровцы танцевали.
Но поляк повел усами — гитлеровцы побежали.
Гей, гитлеровцы свиньи, подлецы, подлецы!
А поляки — молодцы!

Болеслав Рахубка
Народный поэт Ломжинского края

Мужчина этого народа,
Склонясь над колыбелью сына,
Слова надежды произносит —
Увы, напрасные всегда.

Чеслав Милош
«Народ»,
из сборника «Дневной свет»

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Восьмого января 1949 года в Мазовии, в городке Ед-вабне, расположенном в 19 километрах от Ломжи, Управление общественной безопасности задержало пятнадцать мужчин¹. Среди арестованных, главным образом малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, оказались также двое сапожников, каменщик, столяр, часовщик, двое слесарей, почтальон, бывший рассыльный магистрата и агент по скупке яиц; среди них были отцы семейств с многочисленным потомством (у одного семеро детей, у других четверо, еще у нескольких по двое) и одинокие люди; младшему из них было 27 лет, старшему 64. В общем, такие совсем обычные люди².

Городок, в котором тогда насчитывалось около двух тысяч жителей, очевидно, был взбудоражен происшествием³, однако широкая общественность узнала об этом деле на четыре месяца позже, когда 16 и 17 мая в Окружном суде в Ломже состоялся процесс над Болеславом Рамотовским и еще 21 обвиняемым по этому же делу. В первой фразе обоснования обвинительного акта можно прочесть следующее: «Еврейский исторический институт в Польше прислал в Министерство юстиции (прокурорский надзор) дока-

зательный материал, касающийся преступной деятельности, а именно убийства лиц еврейской национальности жителями Едвабне, основанный на показаниях свидетеля Шмуля Васерштайна, который видел еврейский погром»⁴.

В ЕИИ не сохранилась переписка по поводу того, как и когда пересылали информацию Васерштайна в прокуратуру. В деле, кроме текста его показаний, тоже нет документации, которая позволила бы установить, например, когда прокуратуру проинформировали о том, что произошло в Едвабне. В контрольно-следственных материалах мы находим «Докладную о начале разработки дела» от 22 января 1949 года, а в ней, в рубрике «история начала разработки дела», следующее примечание: «В Министерство юстиции было прислано письмо от еврейки Цальки Мигдал, которая убежала во время убийства евреев в городе Едвабне и видела, кто принимал участие в убийстве евреев в 1941 г. в г. Едвабне»⁵. Во всяком случае, Васерштайн свидетельствовал об этом перед членами Еврейской исторической комиссии в Белостоке 3 апреля 1945 года. Тот что он рассказал тогда.

«В Едвабне до начала войны жило 1600 евреев, из которых спаслись только 7, которых укрывала поляка Выжиковская, живш.[ая] неподалеку от города.

В понедельник вечером 23 июня 1941 г. немцы вошли в город. А уже 25-го бандиты из поляков начали еврейский погром. Двое из этих бандитов, Боровский (Боровюк) Вацек со своим братом Метекком, врываются в еврейские квартиры вместе с другими бандитами, играли на гармонии и кларнете, чтобы заглушить

крики еврейских женщин и детей. Я собственными глазами видел, как нижеперечисленные убийцы убили: 1. Хайку Васерштайн, 53 лет; 2. Якуба Каца, 73 лет и 3. Кравецкого Элиаша.

Якуба Каца они забили кирпичами, а Кравецкого закололи ножами, потом выкололи ему глаза и отрезали язык. Он терпел нечеловеческие муки в течение 12 часов, пока не испустил дух.

В тот же самый день я наблюдал страшную картину: Кубжанская Хая, 28 лет, и Бинштайн Бася, 26 лет, обе с младенцами на руках, видя, что творится, пошли к пруду, предпочитая утопиться вместе с детьми, чем попасть в руки бандитов. Они бросили детей в воду и собственными руками утопили, потом прыгнула Баська Бинштайн, которая сразу пошла на дно, в то время как Хая Кубжанская мучилась несколько часов.

Собравшиеся погромщики устроили из этого пошмище, они советовали ей, чтобы легла лицом на воду, тогда ей скорее удастся утопиться, а она, видя, что дети уже утонули, энергичнее бросилась в воду и там нашла свою смерть.

На следующий день ксендз стал уговаривать, чтобы прекратили погром, потому что немецкие власти сами наведут порядок. Это подействовало, и погром прекратился. С того дня окрестное население перестало продавать продукты питания, отчего положение евреев становилось все тяжелее. Тем временем распространились слухи, что немцы вскоре отдадут приказ об уничтожении всех евреев.

Такой приказ был отдан немцами 10. VII—1941 года.

Хотя приказ отдали немцы, польские погромщики взялись за его исполнение и исполнили самым страшным образом — после всяческих издевательств и истязаний они сожгли всех евреев в овине. Во время первых погромов и во время избиения особой жестокостью отличались нижеперечисленные подонки: 1. Шлезиньский, 2. Кароляк, 3. Боровюк (Боровский) Метек, 4. Боровюк (Боровский) Вацлав, 5. Ермаловский, 6. Рамутовский Болек, 7. Рогальский Болек, 8. Шелява Станислав, 9. Шелява Франчишек, 10. Козловский Генек, 11. Тшаска, 12. Тарночек Ежик, 13. Люданьский Юрек, 14. Лячеч Чеслав.

10.VII—41 г. утром в городок прибыли 8 гестаповцев, которые провели совещание с представителями властей города. На вопрос гестаповцев, каковы их намерения в отношении евреев, все единодушно ответили, что нужно всех перебить. На предложение немцев оставить по одной еврейской семье, владеющей каким-либо ремеслом, присутствовавший на совещании столяр Шлезиньский Бр.[онислав] ответил: «У нас есть свои мастера, мы должны убить всех евреев, никто из них не должен остаться в живых. Бургомистр Кароляк и все остальные были согласны с его словами. Решено было всех евреев собрать в одном месте и сжечь. Для этой цели Шлезиньский отдал свой собственный овин, находившийся неподалеку от города. После этого совещания началась резня».

Погромщики, вооруженные топорами, особыми палками, в которые были вбиты гвозди, и другими орудиями уничтожения и истязаний, выгнали всех евреев на улицы. Первой жертвой своих дьяволь-

ских замыслов они избрали 75 самых молодых и самых здоровых евреев, которым было приказано снять с пьедестала и унести огромный памятник Ленину, который в свое время в центре города поставили русские. Тяжесть была неподъемная, но под градом страшных ударов евреи все же вынуждены были это сделать. Таща памятник, они еще должны были петь, пока не принесли его на указанное место.

Там их заставили выкопать яму и сбросить туда памятник. После чего эти евреи были забиты насмерть и сброшены в ту же самую яму.

Другим измывательством было следующее: убийцы заставляли каждого еврея выкапывать могилу и хоронить уже убитых евреев, затем и их, в свою очередь, убивали. И другим приходилось их хоронить.

Трудно описать всю жестокость погромщиков и трудно найти в истории наших страданий что-либо подобное.

Жгли бороды старым евреям, убивали младенцев на груди матерей, нещадно били и заставляли петь, танцевать и т.п. Под конец приступили к главной акции — к сожжению. Весь городок был окружен охраной, чтобы никто не мог убежать, затем всех евреев поставили по четыре человека в ряд, а раввина, девяностолетнего еврея, и резника поставили во главе, дали им в руки красное знамя и погнали их, заставляя петь, к овину. По дороге погромщики зверски избивали их. У ворот стояли несколько погромщиков, которые, играя на разных инструментах, пытались заглушить крики несчастных жертв. Некоторые пробовали обороняться, но они были

безоружны. Окровавленных, искалеченных, их впихнули в овин. Потом овин облили бензином и подожгли, после чего бандиты стали обходить еврейские квартиры, ища оставшихся больных и детей. Найденных больных они сами оттащили в овин. А детей связывали по нескольку за ножки и притаскивали на спинах, клали на вилы и кидали на раскаленные угли.

После пожара у еще не распавшихся в прах мертвецов топорами выбивали изо рта золотые зубы и всячески оскверняли тела святых мучеников».⁶

Хотя человеку, читающему свидетельские показания Васерштайна, ясно, что в Едвабне измывались над евреями с особой жестокостью, все же вначале трудно полностью осознать содержание этого текста. С того дня, когда я наткнулся на его показания в архивах ЕИИ, прошло довольно много времени, прежде чем я понял, что в них сказано. Когда осенью 1998 года меня попросили написать эссе в памятную книгу по случаю юбилея профессора Томаша Стшембоша, я решил описать на примере Едвабне, как соседи-поляки измывались над жившими в городе евреями. Но тогда еще до меня не дошло, что в заключение целой серии убийств и жестокостей, совершенных в этот день, всех оставшихся в живых евреев просто сожгли. Поэтому меня не удивляет временной разрыв между свидетельством Васерштайна и началом процесса в Ломже. Мне тоже понадобилось четыре года, чтобы осознать, что именно сказал Васерштайн. Только просматривая материал, отснятый Агнешкой Арнольд для документального фильма «Где мой старший брат Каин?» (а конкретно — наткнув-

шись на беседу перед камерой с дочерью хозяина овина, в котором соседи-поляки сожгли в июле 1941 года едwabненских евреев), я понял, что там произошло⁷. И как обычно бывает, когда спадет с глаз завеса, — как только мы осознаем, что случилось то, что до сих пор нельзя было себе представить, — оказалось, что вся история прекрасно документирована, что свидетели живы до сих пор, что память об этом преступлении сохранилась в Едwabне на протяжении жизни нескольких поколений.

ИСТОЧНИКИ

Для историка наилучшие источники те, что фиксируют исследуемые явления незамедлительно. В таком случае следовало было бы обратиться к немецкой документации об уничтожении евреев на этой территории. Однако в ежедневных рапортах особых отделов СС с Восточного фронта, рассылаемых по разнарядке Главным имперским управлением безопасности (РСХА), нет упоминания о Едвабне⁸. Впрочем, в этом нет ничего странного, поскольку оперативная группа «Б», в секторе действия которой находились Ломжа и Едвабне, 10 июля была уже где-то около Минска. Какое-то донесение об убийстве евреев в Едвабне, наверное, было послано присутствовавшими там в то время немцами, но оно могло быть уничтожено⁹. Скорее всего, существует документальный фильм, снятый немцами во время погрома. Похоже, его показывали в 1941 году в кинотеатрах Варшавы¹⁰.

Таким образом, первое и наиболее подробное свидетельство о погроме — показания Васерштайна в 1945 году. Очередное описание событий мы находим в актах ломжинских процессов мая 1949 года и ноября 1953 года. И наконец, в 1980 году вышла в свет памятная книга едвабненских евреев, в которой несколько очевидцев описало трагедию родного местечка времен войны. В 1998 году Агнешка Арнольд бра-

ла интервью на эту тему у нескольких жителей Едвабне, а спустя год я сам беседовал со многими из них¹¹. Таковы основные источники этой работы. Каким образом следует ими пользоваться?

По многочисленным записям в дневниках, по воспоминаниям мы можем понять, что свидетельства, оставленные евреями на тему уничтожения, были задуманы как возможно более верные описания переживаемой катастрофы. Раз нельзя было предотвратить методично проводимой акции истребления еврейского населения, то свидетели должны были, по крайней мере, сохранить память о процессе уничтожения. Именно это же намерение характерно для коллективных инициатив, хорошо известных и пользующихся уважением в сегодняшней историографии, — «Субботних наслаждений» Эмануэля Рингельблюма или записей архивистов из ковенского гетто. Запечатлевая на бумаге описание преступления, жертвы как бы перед судом истории объявляли недействительным нацистский проект истребления еврейского народа. *Не существовало причин, по которым евреи хотели бы приписать полякам преступления, совершенные немцами.* Любой свидетель, разумеется, может ошибаться, и каждый рассказ, насколько возможно, следует сопоставлять с информацией, добытой из других источников. Но у нас нет оснований подозревать евреев в злонамеренности в отношении к соседям-полякам по этому поводу.

В свою очередь, использование историком материалов, полученных в ходе судебного процесса, требует применения особых критериев оценки. Тут следует придерживаться нескольких простых принципов. Надо помнить, во-первых, что подозреваемые

будут стараться умалить собственное участие в событиях, которые лежат в основе обвинения. В их интересах также, насколько возможно, уменьшить значимость самого события. Мы не должны забывать, что обвиняемые не обязаны с точки зрения закона говорить правду, в то время как свидетели, хотя должны говорить правду под угрозой уголовной ответственности, могут отвечать избирательно и о чем-то умалчивать. Кроме того, протокол допроса — весьма специфический вид документа, в котором авторский голос звучит опосредованно, через третье лицо, задающее вопросы и записывающее ответы. Поэтому важность материалов процесса для историка в большой степени зависит от метода проведения следствия и тщательности судебного разбирательства.

Между тем, как выясняется, судебное дело против Рамотовского и его подельников проводилось поспешно. Возможно даже, «поспешно» — это мягко сказано, если принять во внимание, что судебное разбирательство дела, по которому проходило двадцать два обвиняемых, было завершено в течение одного дня: 16 мая дело подлежало рассмотрению Округного суда в Ломже, а уже 17 мая был вынесен приговор. Двенадцать обвиняемых были осуждены, а с остальных обвинения сняли. Юзеф Собута, которого судили в 1953 году, тоже был оправдан.

На процессе Рамотовского обвиняемым были вынесены следующие приговоры: Кароль Бардонь был осужден на смертную казнь; Ежи Лауданьский приговорен к 15 годам тюрьмы; Зигмунт Лауданьский, Владислав Мичура и Болеслав Рамотовский к 12 годам тюрьмы; Станислав Зейер и Чеслав Липиньский к 10 годам; Владислав Домбровский, Феликс Тарнац-

кий, Роман Гурский, Антони Небжидовский и Юзеф Жилюк к 8 годам; в то же время Юзеф Хшановский, Марьян Жилюк, Чеслав Лауданьский, Винценты Госцицкий, Роман Завадский, Ян Завадский, Александер Лойевский, Франчишек Лойевский, Эугениуш Сливецкий и Станислав Селява были оправданы. В архивных документах отмечаются поразительные противоречия относительно того, кто предстал перед судом на процессе. В актах дела Рамотовского на первой странице «Протокола основного заседания», написанного очень разборчивым почерком протоколистки Ч. Мрочковской 16 мая 1949 года, мы можем прочесть следующую фразу: «Осужденные предстали перед судом все». Затем перечисляются 22 фамилии обвиняемых¹². В то же время в контрольно-следственных актах Управления общественной безопасности в Ломже находится «Рапорт о ходе и результатах судебного заседания» от следующего дня, 17 мая 1949 года, присланный в воеводское Управление общественной безопасности в Белостоке, где перечислены только шестнадцать обвиняемых в том же самом процессе. Более того, в этом списке есть также фамилия Александра Яновского, которого нет среди обвиняемых, перечисленных в протоколе процесса¹³. По делу Яновского допрашивают как свидетеля. Оба документа перечисляют те же самые двенадцать лиц, осужденных по делу, и приводят те же полученные ими приговоры.

Не могу объяснить причин расхождения между этими документами. Мне кажется, что протокол, составленный публично в зале суда, заслуживает большего доверия, чем внутренний рапорт, направленный в Управление общественной безопасности. Замечу в

скобках, что эта случайно выявленная неспособность сосчитать двадцать два обвиняемых, сидящих в зале суда, показывает в интересном свете инспекции, проводимые на основе убэшных записей.

Дело Юзефа Собуты заслуживает краткого комментария. Он был одним из подозреваемых в деле Рамотовского, следствие в отношении него было закрыто, поскольку он находился в больнице для умственно больных. Ломжинское Управление безопасности уведомило прокуратуру 24 марта 1949 года, что они задержат Собуту после излечения; очевидно, процесс решили не откладывать¹⁴. Не исключено, что Собута симулировал душевное заболевание. По выходе из больницы он жил в Лодзи, где держал магазин, пока не был осужден на 12 месяцев принудительных работ за попытку дачи взятки. То есть, как говорится, сумасшедший из числа тех, кто знает, с какой стороны хлеб маслом мажут.

В следствии 1953 года двое приглашенных судом докторов провели психиатрическую экспертизу Собуты. Во время экспертизы он не знал, по какому поводу против него возбуждено дело, на вопрос, когда вышел из лагеря, ответил, «когда ворота открылись», и вообще производил впечатление идиота, хотя специалисты сочли его вполне вменяемым¹⁵. В ходе следствия, как правило, ничего не помнил, но, когда речь зашла о том, что было для него серьезной угрозой — поскольку все указывает на то, что именно он руководил уничтожением памятника Ленину в ходе погрома, — придумал довольно ловко лживую историю¹⁶. На основе свидетельств разных лиц для меня стало несомненным, что он принадлежал к числу

самых активных участников погрома. Почему же тогда его оправдали?

Обвинение, которое выдвигалось против него в 1953 году, состояло из двух частей. Собуту подозревали в том, что «во время с 22 июня 1941 по июнь 1944-го в городке Едвабне Ломжинского повята, идя навстречу гитлеровской власти немецкого государства, принимал участие в сожжении заживо нескольких сот евреев, а также выдал немецкой жандармерии работника Гражданской милиции и члена ВКП (б) Чеслава Крупиньского, или Купецкого, которого жандармы убили»¹⁷ (курсив мой. — Авт.). И когда следственный офицер в Белостоке, хорунжий Виктор Хомчик, познакомившись с делом, решил 2 октября 1953 года частично закрыть следствие — «по вопросу предъявленного ему обвинения в том, что он выдал немцам Купецкого Чеслава, бывшего милиционера при советской власти», — дело «повисло», и вскоре суд оправдал Собуту¹⁸. Очевидно, «участие в сожжении заживо нескольких сот евреев» во время оккупации по оценке сталинского правосудия не было прегрешением, заслуживающим немедленной кары.

Я пишу об этом, поскольку 1949 и 1953 годы приходятся на период глубокого сталинизма, когда и судебные, и следственные органы имели заслуженно плохую славу. К тому же на суде обвиняемые один за другим объявляют, что их били во время следствия и таким способом вынуждали давать показания — что, принимая во внимание методы, применяемые в то время Управлением безопасности, весьма правдоподобно. Но только нет никаких указаний на то, что применяли силу, чтобы получить от обвиняемых какую-то конкретную информацию, в обвинительном

заклучении нет никаких построений на тему взаимосвязи между обвиняемыми, организациями и т.п. Контрольно-следственные материалы этого следствия, которые обнажают «подкладку», можно сказать, всего этого дела, ясно показывают, что у дела нет второго дна. В «Рапорте о ликвидации» от 24 января 1949 года, уже мною цитированном, есть подпункт 5, под заголовком «План дальнейших оперативных мероприятий», в котором описаны очередные шаги, направленные на передачу дела в прокуратуру. И по этому документу, и по всей сохранившейся подборке материалов дела видно, что это совершенно рутинное следствие. И внезапная амнезия обвиняемых на процессе, впрочем понятная, менее убедительна, чем данные в ходе следствия показания, тем более что обстоятельства июльского массового убийства были постоянной темой разговоров в городе.

Из материалов следствия вытекает, что Рамотовский и его подельники были допрошены, собственно говоря, по одному разу. Протоколы краткие, сделанные по одному и тому же образцу. Как правило, обвиняемому задавали три вопроса: где он жил в июле 1941 года, принимал ли участие в убийстве евреев (с маленькой буквы¹⁹), и кто еще принимал участие в поимке и убийстве евреев в Едвабне? Большая часть протоколов допросов написана одним и тем же следователем Гжегожем Матуйевичем. Большая часть протоколов допросов (за исключением отдельных позднейших дополнений) датирована 8—22 января. Так что все судебное следствие заняло две недели.

Из этого мы можем сделать вывод, что этому делу не придавали излишнего значения. Во всяком случае, ему не было посвящено ни большого труда, ни чрез-

мерного внимания. Символом бесцеремонности, с которой к нему отнеслись, может служить само звучание обвинительного акта против Рамотовского и его подельников, обвинявшихся «в том, что: 25 июня 1941 года в Едвабне, ломжинского повята, идя навстречу властям немецкого государства, принимали участие в поимке около 1200 человек еврейской национальности, которые были массово сожжены немцами в овине Бронислава Слешиньского»²⁰. А ведь массовое убийство в Едвабне произошло 10 июля, и об этом все время идет речь в протоколах следствия! Но прокурору, очевидно, запомнилась первая дата из рассказа Васерштайна, где упомянуто 25 июня. А потом в течение долгого времени ни обвинитель, ни суд не потрудились эту неточность исправить. Только в последней инстанции, при обосновании приговора после кассационного слушания в Верховном суде, отмечено, что «едвабненское убийство произошло на несколько дней позже, чем датировал Окружной суд» [на самом деле более чем на две недели!]²¹.

Я хочу сказать, что это не был политический процесс и что никому в сталинской Польше не были важны свидетельства, что евреи как-то особо пострадали во время войны, и именно от рук поляков. В обвинительном акте сказано прямо, что убивали евреев немцы, хотя служба безопасности прекрасно знала, что немцы не играли в этом убийстве непосредственной роли²². А кроме того, это время, когда антиеврейская мания Сталина задает ритм преследований во всем так называемом лагере.

Я хочу здесь сказать не только о хорошо известном деле так называемых кремлевских врачей или об антисемитском контексте дела Сланского в Чехосло-

вакии, но об общей идеологической тенденции, идущей из Москвы со времен войны. Об этом пишет в известном сравнительном исследовании «Stalinisme et nazisme, histoire et memoire comparées» Николая Верт: «За период десятилетия 1939—1949, во время территориальной экспансии, войны и советизации занятых территорий, в общей сложности было депортировано около 3 200 000 человек. В подавляющем большинстве их отбирали на основе этнических критериев, а не классовых, как это было во время «раскулачивания». Как известно, среди этой волны сосланных немалую часть составляли поляки. И далее: «Враг, очевидно, сменил обличие в контексте «второго [т. н. послевоенного] сталинизма», который характеризовался реакционным, регрессивным обскурантизмом, например антисемитизмом (который вообще был незаметен у первого поколения большевистских вождей) и ксенофобией в самых различных вариантах, что сопровождалось дифирамбами во славу «Великой Российской Родины». Главный враг с той поры определялся в этнических категориях»²³.

Делом необходимо было заняться, поскольку, скорее всего, донесение о совершенном преступлении попало в какие-то бюрократические шестеренки, но занимались им торопливо и поверхностно. И, думаю, именно потому, что дело не стало элементом политической игры, материалы следствия вполне годятся для реконструкции исторической истины — разумеется, с учетом вполне понятной сдержанности подозреваемых при выявлении полного масштаба преступления и степени собственного участия²⁴.

ДО ВОЙНЫ

Едвабне лежит на пересечении заливных долин двух больших рек, Бебжи и Нарвы, в красивейшем месте. Весной, когда реки разливаются, «здесь можно наблюдать стаи белых гусей, свиязей, турухтанов, не говоря уже о белокрылых крачках, выпях, серых гусях и широконосах». Такую информацию, наряду с прочей, можно найти в специальном путеводителе. Ибо Бебжанская впадина «представляет собой самую большую в Польше торфянисто-болотную территорию с хорошо сохранившимися природными условиями и уникальным богатством флоры и фауны»²⁵. Однако сам городок особой красотой не отличается.

В этой местности, среди лесов и лугов, самым доступным и дешевым строительным материалом всегда были дерево и солома, а это значит, что бичом живущих здесь были пожары. Самый страшный в этом столетии пожар истребил в 1916 году почти три четверти всех строений в Едвабне. Деревянная синагога постройки восемнадцатого века, архитектурой которой можно полюбоваться в альбоме Казимежа и Марии Пехотек, сгорела на три года раньше, за год до начала Первой мировой войны²⁶. Годы спустя, в памятной книге едвабненских евреев, одна из давних жительниц вспоминает, как вечерами, прежде чем пойти спать, они смотрели на север, где за линией

горизонта находился городок Радзилов. И если небо там начинало розоветь, то поспешно грузили на возы самые необходимые для погорельцев вещи и пускались в путь. Точно так же и радзиловские евреи посматривали на Едвабне. Пожары случались часто, а поскольку жители близко лежащих городков нередко были в родстве между собою, они таким образом разделяли друг с другом и судьбу, и припасы.

Едвабне получило права города стараниями ломжинского стольника в 1736 году. Но селиться там начали по крайней мере на 300 лет раньше. Евреи пришли в Едвабне из Тыкочина и какое-то время находились в ведении той гмины. Когда в 1770 году строили прекрасную деревянную синагогу, из примерно 450 жителей аж 387 (не знаю, откуда такие точные данные) было евреев. В канун Первой мировой войны население городка достигло апогея, приближаясь к 3000, чтобы вскоре потом, в 1916 году, уменьшиться до всего лишь семисот человек в результате уничтожения и выселения еврейского населения по приказу отступающих русских.

После войны большинство переселенцев вернулось, и городок стал отстраиваться. Согласно всеобщей переписи, в 1931 году там проживало уже 2167 человек — и более чем на шестьдесят процентов еврейского происхождения. Население близлежащей гмины и остальные жители были польской национальности.

В 1933 году в городе было 144 зарегистрированных ремесленников, в том числе 36 портных и 24 сапожника. Ремеслом и обслуживанием занимались главным образом евреи, и наверняка многим из них не хватало денег на выкуп лицензии. «В нашем местеч-

ке, — вспоминает Ципора Ротшильд, — не было забастовок. Все товары производились ремесленниками, которым помогали члены семьи. Я вспоминаю довольно необычный трудовой конфликт. Сын Нахума Пентковского, Арие, решил бастовать против собственного отца. И когда Нахум стал бить его железной линейкой, Арие вопил от боли и кричал отцу: «Я социалист и не хочу работать по ночам!»²⁷

В небольших семейных мастерских тяжело трудились с утра до вечера (а иногда, как мы видели, и ночью), а многие ремесленники просто таскали рабочий инструмент на спине, кружа по соседним деревням, иногда целыми месяцами, предлагая услуги, например портновские. Можно предположить, что таких странствующих ремесленников было довольно много. Евреи этих мест давали друг другу прозвища. Например, радзиловских евреев называли, слегка посмеиваясь, *Radzilower Kozes*, или *раdziловскими козлами*; ломжинских — *Lomier Baallonim*, то есть те, *кто очень любит себя улаживать*; про евреев из Кольно говорили *Kolner Pekelach-Peke-wach*, намекая, что они, отягощенные заботами, непрерывно жалуются; а про евреев из Едвабне — *Jedwabner Krichets*, что-то вроде *бродяги из Едвабне*²⁸.

Раввин Джейкоб Бейкер, до выезда из Едвабне в 1938 году носивший фамилию Пекаж, который еще мальчиком начал учиться в знаменитой ломжинской иешиве, с улыбкой вспоминает сегодня контакты с соседями-поляками в межвоенный период. Он жил с матерью, бабушкой и двумя братьями поблизости от дома Селявы, где — наверное, как и другим, жившим по соседству, — Пекажам случалось брать воду из колодца, потому что она была очень хороша²⁹. Аптекарь

из Едвабне, беседуя спустя пятьдесят лет после войны с Агнешкой Арнольд, помнит атмосферу соседских отношений: «Тут не было какого-то большого различия в мнениях или в чем другом, ведь они здесь, в таком маленьком городишке, сжились с поляками. Зависели от них. Все называли друг друга по имени — Ицек, Янек... это была такая весьма идиллическая жизнь»³⁰.

Итак, соседских контактов было много. И хотя в отношениях соблюдали дистанцию и осторожность — поскольку евреи всегда осознавали возможную угрозу со стороны окружения, к тому же националистическая эндеция³¹ была самой сильной группировкой в городе и окрестностях, — но открытых вооруженных конфликтов не было, а возникавшие время от времени ситуации, грозившие перерасти во что-то серьезное, удавалось разрядить.

Кроме регулярно повторявшихся опасных моментов — к которым относилась Пасха, когда ксендзы изображали в своих проповедях образ еврея-богоубийцы, или в прошлом, допустим, сеймы, когда множество шляхтичей в сопровождении слуг собирались где-либо, — всегда могло произойти что-то плохое в результате простого стечения обстоятельств. В Едвабне, например, в 1934 году убили еврейку, а несколько дней спустя, во время ярмарки в городке поблизости, был застрелен крестьянин. И вдруг, ни с того ни с сего, начались толки, что едвабненские евреи таким образом отомстили полякам. Надвигавшийся — судя по слухам — погром предупредил только визит раввина Авигодора Бялостоцкого к городскому ксендзу в сопровождении Ионы Ротшильда (он упоминает об этом в памятной книге), который был

поставщиком железных деталей, необходимых для восстановления костела.

Этот эпизод прекрасно укладывается в тот факт, что о надвигавшихся погромах те, кому грозила опасность, почти всегда знали заранее (как и о надвигавшихся «акциях» истребления во время оккупации) и принимали как нечто совершенно естественное, что в такой ситуации светским или духовным властям полагается дань за опеку и предотвращение грядущей беды. За этим скрывался, можно сказать, санкционированный обычаем налог, который евреи платили за обеспечение безопасности. В конце концов, государство именно для этой цели облагает налогом граждан, а так как евреям угрожали особые дополнительные опасности — значит, они платили больше. Еврейские общины издавна имели для этой цели специальные фонды, зарегистрированные в бухгалтерских книгах³².

Едвабне до начала войны был спокойным городком, и евреям жилось там не хуже, чем в любом другом месте в Польше, а может быть, и лучше, чем во многих других местах. Евреев не раздирали давние споры или разделы. Было, правда, в Едвабне небольшое число хасидов, но наибольшим авторитетом для всех членов общины был глубоко религиозный и одухотворенный городской раввин Авигдор Бялостоцкий.

Надо, однако, добавить, что политическая ориентация духовенства в Ломжинском повяте была определена эндецкой. Как пишет Тадеуш Фрончек в докторской работе «Вооруженные формирования национального лагеря на Белостокщине в 1939—1956 годах», ломжинский епископ Станислав Лукомский в

своих пасторских письмах, датированных апрелем 1928 года, запрещал голосовать за «социалистов, освободителей, коммунистов или сторонников так называемых крестьянских партий». А после выборов в приходах, где было отдано много голосов за эти партии, запретил проведение пасхальных процессий³³. Однако раввин в Едвабне и городской ксендз почти до самой войны, пока не появился новый ксендз, Мариан Шумовски, отличавшийся эндецкими симпатиями, были в добрых отношениях. Вдобавок, по счастливому стечению обстоятельств, комендант полицейского поста в городе оказался службистом, следившим за порядком, и человеком, лишенным национальных предубеждений. Пока не началась война.

СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ, 1939—1941

Осенью 1939 года Едвабне оказался на территориях, занятых Красной Армией. Поскольку почти половину населения составляли евреи, наверняка в период советской оккупации многие из них исполняли различные функции и занимали разные должности. Однако обширная — 115-страничная — работа по истории Ломжинского повята на основе 125 опросных листов, заполненных свидетелями событий, о которых идет речь, — выполненная Историческим бюро армии Андерса, содержит только три упоминания общего характера о евреях из Едвабне, предполагающие их излишнее усердие на благо нового строя³⁴. Конечно, работа касается всего повята, то есть повествует о судьбах 170 тысяч людей. И только 16 анкет (из 125) заполнено жителями гмины Едвабне. Следовательно, наши знания о том, что делалось именно в городке Едвабне, поверхностны. Но нет причин судить, что отношения между евреями и остальными местными жителями были в то время хуже именно там, а не в каком-либо другом месте³⁵. В самом подробном исследовании о Едвабне, которое когда-либо попадало ко мне в руки, бывший директор архива в Белостоке, Хенрик Майецки, называет фамилии пяти самых главных чиновников советской администрации в городе в то время: председателем районного исполни-

тельного совета в Едвабне был Даниил Киреевич Сукачов, первым секретарем районного комитета партии — Марк Тимофеевич Рыдаченко, членами секретариата — Петр Иванович Быстров и Дмитрий Борисович Устиловский, а секретарем комсомола Александр Никифорович Малышев³⁶. Едвабне находился в приграничной полосе, следовательно — как можно предположить, — администрация была в руках доверенных людей, то есть скорее прибывших с Востока, чем местных.

Я обнаружил только одно сообщение, в котором конкретно рассказывается о том, как приветствовали Советы в городке в сентябре 1939 года — как известно, это был момент, когда многим полякам запомнилась нелояльность евреев, — но и на это сообщение не следует сильно полагаться, поскольку оно записано через пятьдесят лет после событий, о которых идет речь. Снимая свой фильм, Агнешка Арнольд в числе многих проинтервьюировала дочь хозяина, в овине которого были сожжены едвабненские евреи. И вот что она сказала в интервью на интересующую нас тему: «Я видела, как пришли Советы, они шли по улице Пшистшельской и пришли, там такая пекарня была, и еврей с еврейкой расставили стол, он был накрыт красным, таким красным полотном, и польская семья. Две польских семьи, ведь они были коммунисты до войны... И эти три семьи встречали советские войска хлебом и солью. Это я видела. Большой транспарант был прицеплен от одного дома до другого, «Приветствуем вас», большими буквами, такими белыми, печатными. И так они их приветствовали вместе со своими женами. А потом войско на том рынке, где сейчас парк, остановилось. Мне тогда

было 16 лет, еще как бы ребенок. Старшие не выходили на это смотреть, только издалека, боялись, а дети везде должны быть. Ну я уже не была таким совсем ребенком, но мы побежали туда»³⁷. То есть довольно типичная сценка встречи советских войск — в основном любопытная молодежь, среди которой, конечно, были евреи, но не только они.

В одном отношении, однако, гмина Едвабне отличалась от других во времена советской оккупации. А именно — там действовала очень динамичная подпольная организация, которую в какой-то момент выследило и ликвидировало НКВД. Собранных в лесу членов организации окружила в июне 1940 года облава войск НКВД, и многие, впрочем с обеих сторон, были убиты. Подробное пояснение на тему ликвидации штаба партизанской антисоветской организации в Кобельно мы находим в томе, изданном Томашем Стшембошем, Кшиштофом Ясевичем и Марекком Вежбицким, под названием «Советская оккупация (1939—1941) в свете тайных документов»³⁸. По необычайному стечению обстоятельств, в архивах Института Гувера в Калифорнии сохранилось также подробное сообщение о деятельности этой организации, написанное капралом Антонием Боравским из деревни Витыне, расположенной в четырех километрах от Едвабне. Боравский оказался в армии Андерса уже в сентябре 1941 года и тогда представил свою «Биографию за 1940 и 1941 год», а в ней, среди прочего, следующее:

«...в штабе оказался один тип, Домбровский из деревни Колодзая. Домбровский был сначала хорошим и образцовым гражданином Польши, поставлял оружие в штаб, ездил за 100 километров, в самый Черво-

ны Бур, туда, где разоружались польские войска, и доставлял автоматическое оружие и боеприпасы, когда не мог достать задаром, то платил, сколько мог, ему были доверены деньги. Домбровский был зятем Вишневого из деревни Бартки, а Вишневский был в советские времена войтом, и они оба договаривались, как зять с тестем, и ему Вишневский гарантировал, что Советы его не возьмут, а Домбровский рассказал, где он находился, о штабе и обо всем, и какие намерения у штаба, и что есть намерение ударить по Советам и их разоружить. Ну, и значит, что делается дальше, Домбровский смылся из штаба, все сразу сообразили, что случится что-то плохое, и начали уходить в Августовские леса, так что осталось только 20 человек и 5 автоматов, боеприпасы к ним, и было около 100 ручных гранат, малокалиберная винтовка имелась, а остальное вывезли в Августовские леса, и мой товарищ из нашей деревни тоже находился еще в штабе, и значит, с этого времени они начали лучше охранять штаб, выставляя посты с опасных сторон. Что дальше, как Домбровский договорился с тестем Вишневым, и тут же Вишневский доложил это в НКВД, а НКВД сразу уведомило Белосток, и тут же приехали Советы на 40 машинах, и машины поставили за 10 километров. А сами окружили этот лес и болота и помаршировали вперед, все больше стягивая кольцо и приближаясь к штабу, только с одной стороны, от деревни не закрыли путь по склону, пост в это время заснул, тот, кто стоял на карауле, когда проснулся, был уже восход солнца, а Советы уже были от него в 200 м, он тут же пробежал еще 300 м и поднял тревогу, и наш пост открыл огонь. Было это 22 июня 1940 г., Советы атаковали

стремительно, не падая на землю, только прут вперед, как кабаны, на пост, они понесли тяжелые потери, установлено, что было 36 убитых и около 90 раненых. Потери с нашей стороны составили 6 убитых, 2 раненых, и две женщины были убиты [...] Что делается дальше, после ликвидации штаба в Кобельно, я, значит, спрашиваю районного коменданта, что делать, а он нам дал ответ, чтобы ничего не боялись, что все наши книжки и документы уничтожены, Советы ничего не захватили, нам не грозит никакая опасность. И значит, как они ликвидировали наш штаб, то целую неделю сидели на месте происшествия и искали оружие и документы, а в то время, когда Советы внезапно атаковали, то наши схватили все документы и закопали под деревом не очень далеко от дома, и, значит, Советы нашли все наши документы, а там были написаны фамилия, и имя, и псевдоним каждого, и все было написано, кто что делал. Как только Советы нашли книжки, тут же начали окружать деревеньки целиком, и в которых были отделения, хватали всех крестьян и смотрели в списки. Кто фигурировал в книжке, того забирали в тюрьму, а кого в книжке не было, того отпускали. Начались массовые аресты, и мы, значит, не дожидаясь, когда нас заберут, как наступала ночь, то все мы, члены организации, убегали из деревни на несколько километров от дому, прятались таким образом ночами в течение двух недель»³⁹.

Добавим, что и многие другие в тот период убежали на долгое время в окрестные леса и болота. По оценке Томаша Стшембоша и двух других издателей уже упоминавшегося тома тайных советских докумен-

тов, жертвами арестов в то время стали около 250 человек из окрестностей Едвабне, Радзилова и Визны.

НКВД задержало Боравского в Едвабне через несколько дней, 4 июля, и при его аресте присутствовал кладовщик местного кооператива Левинович. Это единственная еврейская фамилия, которая встречается во всех процитированных здесь сообщениях и документах на тему преследований населения этих мест во время советской оккупации. Боравский и собеседники Стшембоша называют еще много фамилий членов организации, сотрудничавших с НКВД⁴⁰. Разумеется (так как это была польская конспиративная организация), ни один из них не был евреем.

Спустя полгода после этих событий начальник отдела НКВД Белостокской области, полковник Мисюрев, направил секретарю Белостокского областного комитета Попову письмо, в котором оценивалась деятельность польских партизан в районе Едвабне и результативность примененной НКВД стратегии борьбы с ними. Среди прочего из письма мы узнаем, что спустя какое-то время после ликвидации штаба в Кобельно Советы объявили амнистию прятавшимся в окрестностях членам организации, которые выйдут из подполья. До 25 декабря, пишет Мисюрев, явились 106 человек. И далее: «Из группы вышедших из подполья завербовано 25 человек, которые проводят дальнейшую разведывательную работу»⁴¹. Эта информация сама по себе достойна упоминания. Но давайте запомним ее еще и потому, что мы еще услышим ее из уст другого участника событий, о которых идет речь.

Поскольку единственной отличительной чертой Едвабне в период советской оккупации, которую нам

удалось обнаружить, было образование разветвленной конспиративной организации и ее кровавая ликвидация войсками НКВД, следует задать вопрос, не была ли расправа с евреями вскоре после прихода немцев в Едвабне летом 1941 года (тоже уникальное явление, во всяком случае по числу жертв) каким-то эхом этой более ранней трагедии? Мы уже знаем, что если бы даже удалось найти какую-то связь между этими событиями, то наверняка связующим звеном между ними не будет факт, что агентура НКВД на этих территориях состояла прежде всего из евреев⁴².

НАЧАЛО СОВЕТСКО-НЕМЕЦКОЙ ВОЙНЫ И ПОГРОМ В РАДЗИЛОВЕ

Сейчас трудно установить, что происходило в Едвабне в те две недели, что прошли от начала немецко-русской войны до истребления евреев 10 июля. Основным источником информации об этом периоде остаются сообщение Васерштайна и несколько других случайных упоминаний. В эти дни несколько евреев были убиты преследователями, но главным образом евреям угрожало избиение, ограбление и разнообразные унижения: например, схваченных на улице мужчин заставляли чистить уборные голыми руками⁴³.

На процессе Юзефа Событы была сделана попытка выяснить обстоятельства убийства в этот период Чеслава Купецкого, коммуниста, работавшего в советской милиции, очевидно именно поэтому сразу выданного немцам. И хотя невозможно установить, кто донес на Купецкого, из показаний свидетелей явствует, что местное население уже с первых дней оккупации помогало немцам идентифицировать жертвы и измываться над ними. Как, впрочем, и в соседних городках, так как здешние евреи не были хасидами и немцы не могли выделить их среди горожан.

22 июня 1941 года Кароль Бардонь⁴⁴ видел на рыночной площади в Едвабне группу окровавленных людей с поднятыми вверх руками. «Первый — Купецкий, бывший милиционер, доброволец советской милиции, житель города Едвабне, другой — Вишневский, бывший председатель сельсовета, третий — Вишневский, секретарь сельсовета, это братья, жившие в деревне Бартки, гмина Едвабне, 10 километров от Едвабне [таким образом, из довольно неожиданного источника — от бывшего шуцмана, Бардоня, приговоренного по делу Рамотовского к смертной казни, — мы узнаем о дальнейшей судьбе братьев Вишневских, которых встречали в сообщении капрала Боравского, солдата армии Андерса, в роли предателей, виновных в раскрытии штаба подпольной организации в Кобельно], дальше 3 человека иудейского вероисповедания, один из них — владелец пекарни в Едвабне, на углу рынка и улицы Пшистшельской [возможно, тот, кто приветствовал вступающие в город Советы?]. Следующих двоих я не узнал. Эти шестеро окровавленных людей были окружены немцами. Перед немцами стояли несколько людей в штатском с палками, толстыми, как тележный валец, и им немец кричал, чтобы не убивали сразу. Бейте потихоньку, пусть мучаются. Этих в штатском, которые били, я не узнал, потому что их обступила большая группа немцев»⁴⁵. Примерно то же показывает свидетель Мечислав Гервад: «Когда эти территории заняли немцы, Купецкий Чеслав был побит горожанами и сдан в жандармерию, которая расстреляла его вместе с другими несколькими евреями. Кто избил и выдал Купецкого Чеслава жандармерии, я сказать не могу, потому что там не был, а от людей не удалось

узнать других подробностей, только те, что я уже сказал»⁴⁶. А Юлиан Соколовский, который тогда был маленьким мальчиком, вспоминает: «Я видел, как гражданин Купецкий стоял у стены, подняв руки вверх, а немцы били его резиновыми дубинками. С немцами были поляки, гр. Калиновский, который потом был застрелен Управлением безопасности в банде, он тоже бил гр. Купецкого»⁴⁷. Сравните также обоснование приговора после кассационного слушания в Верховном суде дела Рамотовского⁴⁸.

Но для едwabненских евреев атмосферу нарастающего ужаса в течение этих дней создавали слухи, которые приходили из окрестных городков, где от рук немцев и в жестоких погромах погибли сотни людей. Еврей из Радзилова, Менахем Финкельштайн, свидетельствует, что 7 июля 1941 года в его родном городе убиты 1500 человек. 5 июля в Вонсоше Грайевском убито, по его словам, 1200 человек. Описывая едwabненское массовое убийство, он сообщает, что там погибло 3300 жертв во время трехдневного погрома. Исполнителями этих убийств, с разрешения немцев, были — как пишет Финкельштайн — «городские хулиганы». И хотя цифры, приведенные им, следует, очевидно, уменьшить вдвое (в тексте своего другого, подробного и потрясающего сообщения, которое я цитирую ниже, Финкельштайн сам называет цифру 800, а не 1500, определяя еврейское население Радзилова, и, видимо, его данные о Едwabне тоже завышены) — но масштаб драматических событий они передают верно. Я хочу этим сказать, что среди евреев были сотни, возможно, тысячи жертв, а не несколько человек или один-два десятка убитых (воеводская Еврейская историческая комиссия в Бело-

стоке, 14. VI—1946 года. Сообщение Менахема Финкельштайна: Убийство евреев в Грайевском и Ломжинском повятах в июле 1941 г.⁴⁹). Финкельштайн сделал несколько сообщений о том, что ему пришлось пережить, и о том, что ему было известно о событиях в окрестностях. Другое сообщение, которое я буду подробно цитировать, носит название «Уничтожение еврейской гмины в Радзилове».

«Оглушающая канонада разбудила 22 июня 1941 года жителей городка Радзилова, Грайевского округа. Огромные клубы пыли и дыма на горизонте, со стороны немецкой границы, которая находилась на расстоянии 20 км от города, свидетельствовали о великих событиях. Молниеносно разошлась весть о начале войны между Советским Союзом и гитлеровской Германией. 800 евреев — жителей города сразу поняли серьезность ситуации, близость кровожадного врага наполняла всех страхом. [...]

23-го несколькими евреям удалось убежать из города в Белосток. Остальные еврейские жители города покинули его, убегая в поля и в деревни, чтобы избежать этой первой встречи с кровожадным врагом, преступные намерения которого в отношении евреев были очень хорошо известны. Крестьяне очень плохо относились к евреям. Они не позволили евреям даже войти в свои дворы. В тот же день, когда вошли немцы, крестьяне прогнали евреев, проклиная их и угрожая им. Евреи, оказавшись в безвыходной ситуации, должны были вернуться в свои дома. Соседи-поляки, издеваясь, наблюдали за перепуганными евреями и, показывая на шею, говорили: «Теперь будут резать евреев». Польское население сразу побраталось с немцами. Они соорудили в честь немецкой ар-

мии триумфальную арку, украшенную свастикой, портретом Гитлера и лозунгом «Да здравствует немецкая армия, освободившая нас из-под проклятого ярма жидокоммуны!». Первым вопросом этих людей было: можно ли убивать евреев? Разумеется, немцы ответили согласием. И сразу за этим они начали преследовать евреев. Начали придумывать разное про евреев и насылать на них немцев. Эти немцы зверски избивали евреев и грабили их имущество, потом награбленное делили среди поляков. Тогда бросили лозунг: «Не продавать никому из евреев никакой еды». Таким образом, положение евреев еще ухудшилось. Немцы, чтобы окончательно подавить евреев, отобрали у них коров и отдали полякам. Тогда же стало известно, что польские бандиты убили еврейскую девушку, отпилив ей голову, а тело ногами спихнули в трясины. [...]

24-го немцы издали приказ, чтобы все мужчины собрались около синагоги. Сразу стало понятно, с какой целью. Евреи начали убегать из города, но поляки следили за всеми дорогами и силой возвращали убежавших. Только немногим удалось убежать, в том числе мне и моему отцу. В то же время в городе немецкие солдаты давали уроки «деликатности» по отношению к евреям. «Уроки» проходили в присутствии множества собранных там поляков.

Солдаты приказали собравшимся евреям вынести из синагоги и школы святые книги и Торы и сжечь их. Евреи не послушались этого приказа, тогда немцы приказали развернуть Торы, облить бензином и подожгли их. Вокруг этого огромного пылающего костра они заставили евреев петь и танцевать. Около танцующих собралась разъяренная толпа, не жа-

левшая танцующим тумачков. Когда святые книги догорели, евреев запрягли в телеги, сами сели на телеги и начали погонять, немилосердно избивая евреев. Евреи вынуждены были их тащить по всем улицам. Крики боли ежеминутно раздавались в воздухе. И в то же время разносились довольные вопли сидевших на телегах польских и немецких садистов. Поляки и немцы долго измывались над евреями, пока те не оказались загнаны на берег болотистой речки рядом с городком. Там евреев заставили раздеться донага и войти по шею в болото. Старики и больные, которые не могли выполнить этих зверских приказов, были избиты и брошены в более глубокое болото.

[...] С этого дня началась страшная вереница мук и страданий евреев. Главными мучителями были поляки, которые зверски избивали мужчин, женщин или детей, невзирая на возраст. Они также насылали немцев при любой возможности, всячески клеветали. Так, например, 26 июня 1941 г., в пятницу вечером, они прислали группу немецких солдат к нам в дом. Как дикие звери, разбежались изверги по квартире, ища и переворачивая все, что только могли найти. Что имело хоть какую-то ценность, они забирали, грузя все на фуры, ожидавшие перед домом. Их распирала радость. Домашнюю утварь они бросали на землю, давя сапогами, продукты разбрасывали и поливали керосином.

Вместе с немцами были также и поляки, которыми верховодил Дзеконьский Хенрик, который и позже отличался варварством. Он с еще большей дикостью все уничтожал: крушил люстры, шкафы и столы. Когда они все разгромили, то стали бить моего отца.

Убежать было нельзя, поскольку дом был окружен солдатами. [...]

Мучительней, чем раны и переживания этого вечера, было сознание того, что наше положение намного тяжелее из-за того, что польское население заняло враждебную позицию по отношению к евреям. Они становились все более активными и смелыми в преследованиях.

На следующий день утром к нам пришел сионистский проповедник и деятель Вольф Шлепен [?] и другие почтенные горожане, и все напрасно старались нас утешить, никакого выхода из этой ситуации найти было нельзя. Политические новости были очень угнетающими... Несмотря на то что мы были убеждены в поражении немцев, мы видели, что война еще продлится долго. Кто сможет это пережить? Евреи были как беззащитная овечка среди стаи волков. Ощущалось, витало в воздухе, что польское население собирается устроить погром. Поэтому мы все решили, чтобы мама пошла ходатайствовать к городскому ксендзу Долеговскому Александру — который был нашим хорошим знакомым, — чтобы он как духовный лидер потребовал от своих верующих не принимать участия в преследованиях евреев. Но как же велико было наше разочарование, когда ксендз гневно ответил: «Нет никаких сомнений, все евреи от самого младшего до шестидесятилетнего коммунисты и нет никакого смысла их защищать». Мама пробовала его убедить, что его позиция неверна, что если кто-то заслужил кару, то, может быть, единицы, а в чем провинились маленькие дети и женщины? Она взывала к его совести, чтобы он смилостивился и удержал темную толпу,

способную совершить страшные вещи, которые наверняка в будущем будут позором польского народа, поскольку политическая ситуация не всегда будет такая, как сегодня. Но его преступное сердце не смягчилось, и он напоследок заявил, что не может сказать в защиту евреев ни одного доброго слова, поскольку его верующие забросают его грязью. Такие же ответы были получены от всех почитаемых в городе горожан-христиан, к которым пошли ходатайствовать по этому делу.

Последствия всех этих ответов не заставили долго ждать. На следующий день организовались боевые группы из молодых поляков: братья Космачевские, Юзеф, Антон и Леон, Мордашевич Феликс, Косак, Вещчевский [?] Людвик и другие, причинявшие неслыханную нравственную и физическую боль несчастным перепуганным евреям. С утра до вечера они отводили старых евреев, нагруженных святыми книгами, к ближайшей речке. Идти надо было сквозь толпу христиан — женщин, мужчин и детей. Там евреев заставляли выбрасывать святыне в воду. Евреев заставляли ложиться, вставать, прятать голову, плыть и проделывать другие безумные упражнения. Зрители громко смеялись и хлопали в ладоши. Убийцы стояли над своими жертвами и за невыполнение приказов бесчеловечно избивали. Они отводили также женщин и девушек к реке и макали их в воду. На обратном пути эти банды, вооруженные палками и ломанами, окружали замученных еле живых евреев и били их. А когда один из истязаемых запротестовал, не желая выполнять их приказы, осыпал их бранью и угрожал, что в ближайшем будущем с ними поквитается, его так избили, что он потерял созна-

ние. С наступлением темноты эти банды рыскали по еврейским домам, выламывая закрытые на засовы окна и двери. Попав в квартиры, они вытаскивали ненавистных евреев и били, пока те не падали без сознания в лужах крови. Они не щадили женщин с детьми на руках, били до крови и матерей, и детей. Бросались, как звери, на всех и на всё. С наступлением темноты раздавались дикие крики убийц и пронзительные стоны истязаемых. Иногда выводили евреев на рыночную площадь и били их там. Слушать крики было невыносимо. Около истязаемых стояли толпы поляков — мужчин, женщин и детей, — которые смеялись над несчастными жертвами, падавшими под ударами бандитов. После этой вакханалии множество евреев оказались ранены или смертельно больны. Число их увеличивалось со дня на день. Единственный польский врач Мазурек Ян, находившийся в городке, не захотел оказывать избитым никакой врачебной помощи.

Положение ухудшалось со дня на день. Еврейское население стало игрушкой в руках поляков. Немецких властей не было, поскольку армия прошла и не оставила никому власти.

Единственно, кто имел влияние и в какой-то мере поддерживал порядок, это ксендз, но он был посредником только в делах христиан.

До евреев не только никому не было дела, но началась пропаганда, идущая из высших польских сфер и действующая на толпу, что настало время, чтобы наконец рассчитаться с теми, кто распял Иисуса Христа, кто добавляет кровь в мацу и кто причина всего зла на свете, — с евреями. Хватит уже цацкаться с евреями, пора освободить Польшу

от этих притеснителей, этой отравы, разлитой в воздухе. Зерно ненависти упало на хорошо удобренную почву, подготовленную духовенством в течение многих лет.

Дикая кровожадная толпа приняла это как святой призыв миссии, к которой предназначила их история, — уничтожить евреев. А желание захватить еврейские барыши и еврейское богатство еще больше разожгло их аппетит.

Все решали поляки, ни одного немца не присутствовало. В воскресенье 6 июля в 12 часов дня в Радзилов пришло много поляков из Вонсоша (соседний городок). Стало известно, что те, кто пришел, перебили страшным способом, трубами [?] и ножами, всех евреев в своем городе, не щадя даже малых детей. Началась страшная паника. Было ясно, что это трагический сигнал уничтожения. Тогда все евреи, от малых детей до глубоких стариков, сразу покинули город, направляясь в соседние леса и поля. Никто из христиан не хотел в то время пустить еврея к себе в дом и оказать ему хоть какую-нибудь помощь. Так и наша семья убежала в поле, а когда стемнело, мы спрятались в хлебах. Поздней ночью мы слышали неподалеку сдавленные крики — призывы помочь. Мы еще глубже спрятались в хлебах, понимая, что рядом решается какая-то еврейская судьба. Крики становились все тише, пока совсем не заглохли. Мы все тогда не сказали друг другу ни слова, хотя чувствовали, что нам многое надо сказать, но лучше молчать, поскольку никакого утешения нет. Мы были уверены, что евреев убили. Кто их убил? Польские убийцы, грязные руки людей из подполья, слепых людей, побуждаемых звериным инстинктом к крови и разбою,

обученных и воспитанных на протяжении десятилетий черным духовенством, которое строило свое существование на национальной ненависти.

Или они были убиты опытными антисемитами, которые вскармливают массы ядом, а сейчас чувствуют себя свободными и поставили себе задачу истребить евреев? Почему? За какие преступления? Это было самым мучительным вопросом, который во много раз усиливал страдания, но, увы, пожаловаться было некому. И кому рассказать о нашей невинности и невероятной несправедливости истории по отношению к нам? Наутро поляки пустили слух, что вонсошских убийц уже выгнали и что евреи могут спокойно возвращаться домой. Усталые, осунувшиеся, все возвращались по полю, думая, что это правда, а подойдя ближе, задрожали, увидев страшное зрелище.

Неподалеку от города лежали принесенные мертвые тела Резнеля (?) Мойжеша и его дочери, это их крики мы слышали, их убили неподалеку от нас. Их принесли на площадь, которая потом стала местом, где происходили казни всех евреев. Все поляки, от детей до стариков, мужчины, женщины бежали с радостными лицами, словно желая увидеть какое-то зловещее чудо, — поглазеть на убитых поляками, которые палками забили их насмерть. Когда девушку собирались положить в могилу, она открыла глаза и села, очевидно, она только потеряла от побоев сознание, но убийцы, не обращая на это внимания, закопали ее вместе с отцом.

Пошли с ходатайством в новую польскую администрацию, в которую входили: ксендз, доктор, бывший секретарь гмины Гжимковский Станислав и

еще несколько влиятельных поляков, чтобы они отреагировали на то, что творят люди. Они ответили, что ничем не могут помочь, и послали к нескольким людям из подполья, чтобы договаривались с ними. Те же ответили: пусть евреи вознаградят их, и они даруют всем жизнь. Евреи, думая, что это, быть может, последняя надежда, начали приносить Вольфу Шлепену [?] разные ценные вещи: сервизы, гарни-туры [?], *нрзбр.* для швейных машин, *нрзбр.*, серебро и золото, обещали отдать и последних коров, кото-рые были спрятаны. Но это все было комедией, ра-зыгранной убийцами. Судьба радзиловских евреев была уже предрешена. Как стало известно впослед-ствии, польское население знало на день раньше, что евреев уничтожат, и даже каким образом. Но никто из них...»

В этом месте половина листа с описанием массо-вого убийства в Радзилове оторвана. В архивах сохра-нилась еще только последняя страница сообщения, написанная карандашом рукой Финкельштайна. Чи-таем ее: «Насколько страшно все это выглядело, сви-детельствует заявление немцев, что поляки слишком многое себе позволили. Приход немцев спас жизнь 18 евреям, которым удалось спрятаться во время по-грома. Среди них восьмилетний мальчик, который уже был засыпан землей в могиле, но ожил и выбра-лся из-под земли. [...] Таким образом исчезла с лица земли еврейская община, существовавшая в Радзило-ве на протяжении 500 лет. Вместе с евреями было уничтожено все еврейское в городке: школа, синаго-га и кладбище»⁵⁰.

В сообщении, напечатанном на идише в памят-ной книге грайевских евреев, Финкельштайн приво-

дит несколько иные подробности, в частности, он пишет, что радзиловских евреев сначала собрали на рынке городка, где их долго били и мучили, а в конце концов сожгли в овине некоего Митковского за городом⁵¹. Кроме сообщения Финкельштайна, не сохранилось ни одного свидетельства о гибели радзиловских евреев, вплоть до появления репортажа Анджее Качиньского 10 июля 2000 года. Недалеко от Радзилова, пишет Качиньский, «у шоссе в сторону Визны стоит небольшой памятник с надписью: «В августе 1941 года фашисты убили 800 человек еврейской национальности, из которых 500 были сожжены заживо в овине».

Как и в Едвабне, трудно установить достоверность числа убитых; в этих краях погибло столько евреев, но сколько именно, когда и при каких обстоятельствах, неизвестно. Дата неверна. Уничтожение еврейской общины в Радзилове произошло 7 июля 1941 года. Можно предположить, что дата умышленно сдвинута на месяц, поскольку в августе 1941-го в Белостокском округе не отмечено участия поляков в убийстве евреев, как это было в нескольких населенных пунктах в последнюю неделю июня и в июле. Погромы происходили поочередно в городах, расположенных вдоль линии с северо-востока на юго-запад: в Шчучине, Вонсоше, Радзилове и Едвабне. Надпись не сообщает правды о совершивших преступление. «Я не видел, чтобы в тот день в Радзилов приехали откуда-то немцы. Жандарм стоял на балконе и приглядывался. Это сделали наши, — сказал мне очевидец событий 7 июля 1941-го, просящийся не называть его фамилию. — Напротив, уже за день до этого, в воскресенье 6 июля в Радзилов приехало на

подводах много народу из Вонсоша, где погром был накануне».

Сценарий был примерно тот же, что и в Едвабне. Утром всех евреев согнали на рыночную площадь. Им было приказано «полоть» мостовую. Их ругали, били и унижали. Одновременно начался грабёж еврейских квартир. Спустя несколько часов евреев построили в колонну, которую загнали в овин и сожгли заживо. В тот день было убито около шестидесяти многочисленных семей. Если принять, что, включая дедов, родителей и детей, в такой семье могло насчитываться семь-восемь человек, то приведенная на памятнике цифра около пятисот сожженных может быть близка к истине, сказал мой информатор.

В Едвабне в то время скрывалось много окрестных евреев. Среди них живущий до настоящего времени в Израиле Авигдор Кохав (который тогда еще звался Виктором Нелавицким), который бежал туда вместе с родителями из Визны и остановился в семействе Пецынович, у своего дяди. В Едвабне по сравнению с Визной все еще было спокойно. Руководители еврейской общины послали к епископу в Ломжу делегацию, которая повезла с собой великолепные серебряные подсвечники, с просьбой, чтобы он позаботился о них, ходатайствовал за них перед немцами и не допустил погрома в Едвабне. В Ломжу поехал и один из дядей Нелавицкого. И действительно: «Епископ какое-то время держал свое слово. Но евреи слишком доверяли его уверениям и не слушали постоянных предостережений хорошо относившихся к ним соседей-поляков. Мой дядя и его богатый брат, Элиаху, не верили мне, когда я рассказывал им, что произо-

шло в Визне. Они говорили: «Даже если там такое случилось, то мы тут, в Едвабне, в безопасности, потому что епископ обещал нам защиту»⁵². Нелавицкий был тогда шестнадцатилетним юношей, поэтому с его мнением в ходе семейных советов никто особенно не считался. А кроме того, что он мог возразить на аргумент дяди, что в Варшаве при немецкой оккупации евреи живут уже почти два года.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Тем временем сложилась новая городская власть. Бургомистром стал Мариан Кароляк, а членами магистрата, в числе прочих, некий Василевский и Юзеф Собута⁵³. О деятельности городской администрации в этот период мы можем только сказать, что она запланировала и согласовала с немцами истребление ед-вабненских евреев. Двоюродную сестру Нелавицкого, Двойру Пецынович, как и Метека Ольшевича (одного из семи евреев, которых впоследствии прятали Выжиковские), предупредили их друзья-неевреи накануне готовившейся акции. Предостережения Двойры Пецынович и Нелавицкого остались без внимания старшего поколения Пецыновичей, и Ольшевичу не удалось убедить родителей, что они должны в этот день спрятаться где-нибудь вне города. Люди еще не могли себе представить, что в любую минуту может наступить конец света. Наверняка множество других тоже знали о предстоящем, поскольку окрестные крестьяне начали сходиться и съезжаться на телегах в город с самого утра, хотя это не был базарный день⁵⁴.

Координатором акции истребления евреев в Ед-вабне 10 июля 1941 года был тогдашний бургомистр города, Мариан Кароляк. Его фамилия, откровенно говоря, появляется в каждом показании. Кароляк отдает распоряжения и практически все время лично

участвует в погроме. Он, несомненно, злой дух едвабненской драмы. Кроме него, в главных ролях выступает несколько других лиц, идентифицированных свидетелями как служащие городской администрации. Как сказал дорожный мастер Мечислав Гервад: «Весь магистрат [...] принимал участие в этом убийстве евреев»⁵⁵.

Где зародилась идея этого начинания — исходила ли она от немцев (как можно судить по фразе «такой приказ отдали немцы» в сообщении Васерштайна), или это была инициатива снизу городских властей Едвабне, — установить невозможно. Впрочем, вряд ли это имеет большое значение, так как обе стороны легко пришли к взаимопониманию. «Я по совету своего брата Лауданьского Зыгмунта пошел служить в жандармерию г. Едвабне, — пишет девятнадцатилетний юноша Ежи Лауданьский, один из самых молодых и в то же время самых жестоких участников тех событий. — В 1941-м приехали на такси четыре или пять гестаповцев и начали в магистрате разговаривать, но о чем они там разговаривали, этого я не знаю. Спустя какое-то время Кароляк Мариан сказал нам, полякам, чтобы мы созвали польских граждан к городской администрации, а после того, как польское население собралось, приказал нам идти сгонять евреев на рынок, призывая их на работы, что мы и сделали, я тоже принимал в этом участие»⁵⁶.

Из многих источников мы узнаем о визите группы гестаповцев в Едвабне, но в дате визита расхождение — трудно установить, был ли он в день погрома или раньше. «Перед началом этого массового убийства, — пишет Кароль Бардонь, — я видел перед магистратом в Едвабне нескольких гестаповцев, толь-

ко не помню, было ли это в день массового убийства или накануне»⁵⁷. О том, что городская администрация подписала «договор с гестапо» относительно сожжения евреев, упоминает в показаниях свидетель Хенрик Крыстовчук, хотя он повторяет то, что слышал «от людей»⁵⁸. Но в данном случае мы не можем рассчитывать на большее, чем сведения из вторых рук, поскольку из членов совета города только Собута оставил показания, которые — как я уже писал — представляются маловероятными. Впрочем, то, что мы не знаем точного предмета договора, не имеет большого значения. Какая-то договоренность между немцами и непосредственными организаторами едwabненского убийства, то есть городскими властями, должна была существовать. Вероятнее всего, как мы вскоре узнаем из замечания, брошенного рассерженным комендантом жандармского поста, она состояла в том, что немцы предоставили полякам полную свободу действий на восемь часов, чтобы те делали с евреями, что захотят⁵⁹. В то же время существует принципиальный вопрос, на который мы хотели бы дать как можно более верный ответ, вопрос, касающийся роли немцев в этом массовом убийстве. Мы хотели бы знать, сколько их было в городке и что они делали?

В Едwabне существовал постоянный пост немецкой жандармерии из одиннадцати человек⁶⁰. Мы можем также прийти к выводу — по многим источникам, — что кроме наличного состава поста в тот день (а возможно, накануне?) в город приехала «на такси» группа немцев, впрочем небольшая, в несколько человек. В одном сообщении, о котором вскоре пойдет речь,

названа цифра «60 гестаповцев» и «много жандармов», которые будто бы были в то время в Едвабне.

В соответствии с показаниями Юзефа Жилюка, «это было так: я косил сено, и ко мне на луг пришел бургомистр г. Едвабне Кароляк и сказал, чтобы я шел сгонять всех евреев на рынок. И мы оба с ним пошли»⁶¹. В показаниях из дела Рамотовского, когда заходит речь о том, как получилось, что очередной подозреваемый караулил или сгонял евреев на рынок или в овин, появляются жандармы, а чаще «жандарм» в единственном числе. В достаточно типичном показании Чеслава Липиньского, например, говорится, что к нему пришли Юрек Лауданьский, Эугениуш Калиновский «и один немец» и он вместе с ними пошел сгонять евреев на рынок⁶²; за Феликсом Тарнацким пришли Кароляк и Василевский «вместе с гестаповцем и выпроводили [его] на рынок, чтобы он там сторожил евреев»⁶³. Мичура, который в тот день выполнял какие-то столярные работы на посту жандармерии, в какой-то момент получил приказ от жандарма, «чтобы шел на рынок и караулил евреев», и это, скорее, исключительный случай, когда жандарм выступает в роли преследователя один, а не как лицо, сопровождающее кого-то из польских сотрудников магистрата⁶⁴.

Хозяевами ситуации в Едвабне, разумеется, были немцы. И только они могли принять решение об истреблении евреев⁶⁵. Они могли в любую минуту предотвратить это преступление и даже остановить процесс уже развивающихся событий. И они не сделали этого. Если даже они предлагали оставить жизнь некоторым еврейским ремесленникам, то делали это без убеждения, раз в конце концов сожжены были

все. Очевидно, следует приписать своеобразной иронии еврейской судьбы тот факт, что пост полиции в Едвабне оказался в тот день самым безопасным для евреев местом и несколько человек спаслись только потому, что оказались именно там. Но следует помнить, что если бы Едвабне не оказался занятым немцами, другими словами — если бы не было вторжения Гитлера в Польшу, то едвабненские евреи не были бы убиты собственными соседями. И это не избитая истина, ведь трагедия едвабненских евреев — только эпизод в войне не на жизнь, а на смерть, которую Гитлер объявил мировому еврейству. Следовательно, в высшем историко-метафизическом смысле ответственность за преступление следует возложить на него. Но непосредственное участие в нем немцев 10 июля 1941 года ограничилось, прежде всего, фотографированием и, как я уже упоминал, киносъемкой хода событий⁶⁶.

КТО УБИВАЛ ЕВРЕЕВ?

Эдвард Шлешиньский: «У моего отца, Шлешиньского Бронислава, в овине было сожжено много евреев. Я собственными глазами этого не видел, так как в тот день был в пекарне, но знаю от людей, жителей Едвабне, что виновниками этого были поляки. Немцы принимали участие только в фотографировании»⁶⁷. Болеслав Рамотовский: «Я подчеркиваю, что немцы в убийстве евреев участия не принимали, а стояли и фотографировали, как поляки измывались над евреями»⁶⁸. Мечислав Гервад: «Евреи были убиты людьми польской национальности»⁶⁹.

Юлия Соколовская в то время работала кухаркой на посту жандармерии — это она назвала цифру «60 гестаповцев», давая показания на процессе Рамотовского в мае 1949 года. На допросе как свидетель по тому же делу 11 января 1949 года Соколовская дала следующие показания: «В 1941 г., когда вошли войска немецкого оккупанта на польскую землю, спустя несколько дней жители г. Едвабне вместе с немцами приступили к убийству евреев, прож.[ивавших] в городе Едвабне, где было убито больше полутора тысяч лиц еврейской национальности. Подчеркиваю, что я не видела, чтобы немцы били евреев, а еще трех евреек немцы привели на пост жандармерии и приказали мне, чтобы этих евреек не убили, и

я заперла их на замок, а ключ отдала тому немцу, который мне приказал запереть, и немец приказал накормить их, и я приготовила и отнесла. Когда все уже кончилось, все успокоилось, этих евреек выпустили, а эти еврейки жили в доме рядом с жандармерией, также вышеупомянутые еврейки приходили работать на пост жандармерии. Евреев немцы не били, а зверски издевались поляки над евреями, а немцы стояли сбоку и фотографировали, а потом показывали людям снимки, как поляки убивали евреев»⁷⁰. Далее Соколовская называет пятнадцать фамилий, отдельных лиц или целых семей (отцов с сыновьями или братьев), принимавших активное участие в убийстве. Перечисляет, кто бил евреев палкой, а кто «резиной», и добавляет еще одну интересную деталь к роли немцев в этих событиях: «Я в то время была кухаркой в жандармерии и видела, как вышеупомянутый [Эугениуш Калиновский] обратился к ком.[енданту] жандармерии, чтобы выдать им оружие, поскольку они не хотят идти, кто не хотел идти, он того не сказал. Ком.[ендант] вскочил на ноги и сказал: оружия я вам не дам, делайте, что хотите; тогда вышеупомянутый повернулся и быстро побежал за город, туда, куда погнали этих евреев»⁷¹.

В контексте этой обстоятельной, подробной информации, сообщенной Соколовской во время следствия, ее поведение на суде четыре месяца спустя дает повод для раздумий. Обвиняемые, как я уже писал, на суде отказываются от своих показаний, объясняя, что их принуждали побоями во время следствия, а Соколовская, как и другие свидетели, не только весьма сдержанна в высказываниях, но с ее уст срывается поразительная фраза: «В критический день было

60 гестаповцев, потому что я для них готовила обед, а жандармов было очень много, потому что они приехали с разных постов»⁷². Впервые мы узнаем о таком многочисленном присутствии немцев в Едвабне, при этом от кухарки, которая готовила им обед, следовательно, должна знать точно.

До конца не понимаю, как объяснить причины изменений в поведении обвиняемых и Соколовской. В конце концов, обвиняемые в зале суда в мае 1949 года находились в когтях госбезопасности точно так же, как за четыре месяца до этого в тюрьме в Ломже. Разве что, имея семьи и знакомых поблизости, они могли оценить ситуацию и понять (поскольку их защищали одни и те же адвокаты), что своими показаниями обвиняют самих себя и друг друга, и у них было время на то, чтобы пустить в ход, скажем так, давление окружения. Не забудем, однако, что поле их маневра было довольно ограниченным, поскольку преступление, о котором идет речь, было совершено публично, обстоятельства были всем прекрасно известны, включая, разумеется, и офицеров-следователей, которым нелегко было врать прямо в глаза, существовал риск, что за это могут просто избить. Самое большее, можно было в показаниях постараться умалить свою роль, но сам факт нельзя было ни затушевать, ни каким-то образом основательно затемнить. Иначе легче всего было бы просто сказать, что это совершили немцы — как спустя годы выбили на памятнике, поставленном на месте овина Шлешиньского.

Во время немецкой оккупации в этих местах действовала сильная партизанская организация Национальных вооруженных сил, и многие не вышли из

подполья сразу после войны. Жестокая гражданская квазивойна шла в Белостокском крае еще целые годы после установления так называемой народной власти. Едвабне, например, было на несколько часов «захвачено» еще 28 сентября 1948 года отрядом некоего Вяруса⁷³. Нетрудно себе представить, что нежелательному свидетелю с низким социальным статусом (Соколовская была старой девой, что в небольшом городке или в деревне считается неподобающим) кто-то мог объяснить, что такие показания не способствуют разрешению трудной для многих жителей города проблемы.

После войны лесные отряды многократно совершали на этих территориях казни евреев, коммунистов и других лиц, которые были признаны нежелательными. В уже цитированном труде Фрачека мы находим множество сведений на эту тему. В частности, в Едвабне партизаны застрелили 24 сентября 1945 года хозяйку магазина, Юлию Кароляк, и ее дочь Хелену⁷⁴. Была ли это какая-то «разборка» или обыкновенный грабеж, сейчас сказать трудно, но жители городка прекрасно знали, что должны считаться не только с вооруженными органами народной власти. Как пишет Томаш Стшембош, «на этих территориях [...] война, в сущности, длилась не пять или шесть лет (1939—1944, 1939—1945), а лет десять или даже тринадцать (1939—1949, 1939—1952), а в некоторых местах и для некоторых людей еще дольше». И далее: «Неподалеку от берегов Бебжи и городка Едвабне лежит деревня Езерко, в которой погиб в 1957 году последователь белостокской партизанской организации «Рыба»⁷⁵.

Но независимо от того, какое оказывали давление на Соколовскую (если вообще оказывали), ее свидетельство не осталось без ответа. 9 августа 1949 года Кароль Бардонь прислал из варшавской тюрьмы в Окружной суд в Ломже «дополнение» к кассационной жалобе, которую подал сразу после приговора. В «дополнении» было написано следующее: «Высокий Суд! Во время судебного разбирательства свидетель Соколовская Юлия, бывшая кухарка поста жандармерии в Едвабне, показала, что в день массового убийства евреев было 60 гестаповцев и столько же жандармов, а для гестаповцев она якобы должна была готовить обед. Вышесказанное расходится с правдой, так как в этот день, работая во дворе жандармерии, я не видел никаких гестаповцев или жандармов. Несколько раз выходя в мастерскую, которая находилась на территории земельного владения, и проходя через рынок, где собрали евреев, я также не заметил никаких гестаповцев или жандармов. Кроме того, готовить обед на 60 человек на обычной кухне — это абсурд.

После совершения убийства евреев во двор поста жандармерии, где я ремонтировал автомобиль, вошли несколько человек в штатском, они пытались увести 3 евреев, рубивших дрова. Тогда к ним вышел ком. поста жандармерии Адамый, говоря: «Что, мало вам было восьми часов, чтобы расправиться с евреями?». Из вышесказанного вытекает, что массовое убийство евреев было совершено не гестаповцами, которых я в этот день не видел, а горожанами во главе с бургомистром Кароляком»⁷⁶.

Бардонь вернется к этому эпизоду три года спустя в подробной биографии, которую он адресовал

лично Президенту Польской Республики вместе с просьбой об освобождении, на этот раз подойдя к вопросу, если можно так выразиться, с другого конца пищевода: «Там во дворе были сортиры, и если бы было 60 жандармов и 60 гестаповцев, приехавших на эту акцию массового убийства, то кто-то из них должен был оказаться во дворе». Он кончает свою биографию следующей фразой: «Я ходил в день массового убийства 3 раза в мастерскую, это 350—400 метров от дома, по улицам, ходил на обед и возвращался и не видал ни одного человека в форме ни на улицах, ни при группе людей, согнанных на рынок»⁷⁷. Нет оснований предполагать, что осужденный придумывал такие вещи, обращаясь из тюрьмы к Президенту Польской Республики с просьбой о помиловании, только для того, чтобы понравиться. Наверное, президенту приятнее было бы узнать, что в едwabненском преступлении повинны немцы, а не его соотечественники.

В документации, которой мы располагаем, приведены, по моим подсчетам, 92 фамилии (по большей части с адресами) людей, принимавших участие в погроме едwabненских евреев. Не думаю, что всех их следует считать убийцами — ведь по меньшей мере девять из них суд признал невиновными в выдвинутых против них обвинениях⁷⁸. Люди, которых видели сторожившими евреев на рынке, возможно, не загоняли их в овин⁷⁹. С другой стороны, мы также знаем, что люди, чьи фамилии названы, — только часть участников, и, боюсь, небольшая, раз «при согнанных евреях», как уверяет нас другой обвиняемый по делу Рамотовского, Владислав Мичура, «была масса людей не только из Едwabне, но из окрестностей города»⁸⁰.

«Там было еще множество людей, фамилий которых сейчас не припоминаю», — говорит Лауданьский, который вместе с двумя сыновьями в тот день проявил себя в полной мере. «Как припомню, сообщу», — заискивающе добавляет он⁸¹. Толпа мучителей была особенно плотной вокруг овина, где сжигали евреев. Как выразился Болеслав Рамотовский, «когда мы бежали к овину, то не видели друг друга, потому что было не протолкнуться»⁸².

Обвиняемые, которые, скорее всего, жили во время оккупации в Едвабне, не узнают многих участников погрома еще и потому, что среди них были крестьяне, о которых мы знаем, что они сходились в город из ближайших деревень с самого утра. «И много было также крестьян из деревни, которых я не знал. — Я снова цитирую слова Владислава Мичуры. — По большей части это была молодежь, которая радовалась этой облаве и издевалась над евреями»⁸³.

Итак, в этом преступлении принимало участие множество народа. Это было массовое убийство в двойном значении этого слова — и по числу жертв, и по числу преследователей. Чтобы понять, что это означает, задумаемся на минуту над конкретно названной цифрой — 92 участника, мужчины в расцвете сил, граждане города Едвабне. До войны, как мы помним, там жило около 2500 человек, шестьдесят процентов этого числа составляли евреи. Разделив численность польского населения на два, получаем цифру 450 мужчин, включая стариков и детей. Разделим еще раз это число на два, и тогда окажется, что около половины взрослых мужчин из Едвабне названы по фамилии среди участников погрома.

Как все это происходило? По сей день в Едвабне сохранилось чувство, что евреев истребляли с исключительной жестокостью. Едвабненский аптекарь, беседу которого с Агнешкой Арнольд я уже цитировал, почти дословно повторил известные нам слова Липиньского: «Мне рассказывал один человек. Некий пан Козловский, он уже умер. Он был колбасником. Очень порядочный человек. До войны у него был зять-прокурор. Из одной очень почтенной семьи. И он рассказывал, что смотреть было нельзя на то, что делалось»⁸⁴.

Спустя много лет, делая оговорку, что «всего не видала», Халина Попелек такими словами описала 10 июля в Едвабне журналисту «Газеты Поморской»: «Я не была при том, как отрезали головы или как закалывали евреев острыми колами. Это я знаю от соседей. Не видела даже, как приказывали молодым еврейкам топиться в пруду. Это видела сестра моей мамы. У нее лицо было все залито слезами, когда она пришла нам об этом рассказать. Я видела, как молодым еврейским парням приказали снести памятник Ленину, приказали его тащить и кричать «Война из-за нас!». Видела, как при этом их били резиновыми поясами. Видела, как истязали евреев в молельне и как истерзанного Левинюка, который еще дышал, закопали живьем... Загнали всех в овин. Облили керосином с четырех сторон. И длилось все минуты две, но этот крик... Я до сих пор его слышу»⁸⁵.

Но потрясало не только зрелище того, что проделывали с евреями. Крики истязаемых людей, а потом смрад, когда их жгли, были невыносимы. Длившееся целый день истребление евреев совершалось на пло-

щади, равной по величине спортивному стадиону. От овина, в котором в тот день большинство жертв в конце концов сожгли, до рыночной площади по прямой можно добросить камнем. Еврейское кладбище тут же рядом. Так что все, кто тогда был в городе и обладал способностью видеть или обонять, были либо свидетелями, либо участниками этого преступления.

УБИЙСТВО

Все началось, как мы знаем, с того, что едвабненских поляков вызвали утром 10 июля в магистрат. Но поскольку еще раньше ходили слухи о запланированной на этот день расправе с евреями, то окрестные жители стягивались с самого утра на подводах в город. Среди них были, как я предполагаю, ветераны нескольких погромов, которые только что произошли в этих местах. Так обычно и бывало: когда волна погромов прокатывалась по какой-то территории, частично в них принимали участие одни и те же люди, перемещаясь с места на место⁸⁶. «Однажды по приказу Кароляка и Собуты перед Городской администрацией в Едвабне собралось несколько десятков мужчин, которых немецкая жандармерия, Кароляк и Собута снабдили кнутами, палками и кольями. Затем Кароляк и Собута велели собравшимся мужчинам согнать всех евреев Едвабне на площадь перед городской администрацией». В более ранних показаниях свидетель Дановский еще добавляет, что людям по этому случаю выдали водки, но больше никто этого не подтверждает⁸⁷.

Примерно в то же самое время евреям было приказано собраться на рынке для уборки (с метлами, добавляет Ривка Фогель). Евреев уже перед этим заставляли выполнять различные унижительные рабо-

ты, и поначалу можно было заблуждаться, думая, что это лишь повторение уже пережитых издевательств. «Мой муж и двое детей пошли туда, а я на минутку еще осталась, чтобы немножко убраться и как следует запереть окна и двери»⁸⁸. По опыту было известно, что за уходом жильцов из дома обычно следовал грабеж. Нелавицкий, например, убегая в тот день в поле, надел на себя две пары хороших брюк и две рубашки, полагая, что по возвращении застанет дом ограбленным. Мы также знаем от Лауданьского, что евреям было приказано собраться на рынке якобы для уборки. Но очень скоро стало понятно, что в этот раз ситуация кажется особенно опасной. Ривка Фогель уже не пошла на рынок вслед за детьми и мужем и спряталась вместе с соседкой в саду земельного владения здесь же поблизости. И там спустя минуту они услышали «жуткие крики молодого парня, Юзефа Левина, которого гои забивали насмерть»⁸⁹.

Как мы узнаем из сообщения Кароля Бардоня, путь которого, по странному стечению обстоятельств, проходил именно там, Левина буквально забили насмерть камнями. Из двора поста жандармерии, где Бардонь чинил автомобиль, он утром пошел за инструментами в мастерскую, которая находилась «на земельном владении» (именно там пряталась Ривка Фогель). «За углом соседней с мастерской кузницы стоял житель города Едвабне Вишневский [два слова неразборчиво]. Вишневский меня подозвал, я подошел, и Вишневский, указывая на лежавшего рядом изувеченного убитого молодого человека лет около 22, по фамилии Левин, иуд.[ейского] вероис.[поведания], сказал мне: «Смотрите, как этого сукиного сына забили камнями». [...] Вишневский показал на ка-

мень весом от 12 до 14 кг и сказал: «Этим камнем ему навесили, теперь уж не встанет»⁹⁰. Это случилось, как только евреев начали сгонять на рынок. Как пишет Бардонь, по дороге в мастерскую он видел на рынке группу около ста евреев, а на обратном пути отметил, что группа людей заметно увеличилась.

В другой точке городка Винсенты Госцицкий только что вернулся домой с ночной смены. «Утром, когда я лег спать, ко мне пришла жена и велела встать, и сказала: «Плохо дело, потому что где-то неподалеку от нашего дома били палками евреев». Я встал и вышел из квартиры во двор. Там меня подзвал Урбановский, который сказал мне: «Погляди, что делается», показывая на четыре еврейских трупа, это были 1. Фишман, 2. Стрыйаковских [?] двое и Блюберт. Тогда я скорее спрятался в доме»⁹¹.

Итак, почти с самой первой минуты евреи в тот день поняли, что находятся в смертельной опасности. Многие пробовали спастись, убежав в поле. Но удалось это немногим, потому что выйти за пределы города, не обратив на себя внимания, было невозможно, а кроме того, везде кружили небольшие группы местных жителей и вылавливали евреев. Нелавицкого, который уже был в поле, когда начинался погром, схватили человек пятнадцать парней, побили и приволокли обратно на рынок. Так же поймали, побили и привели назад в город Ольшевича. Каких-нибудь сто, может быть, двести человек в тот день сумели избежать смерти, и среди них в конце концов оказались Нелавицкий и Ольшевич. Но многих других, пытавшихся убежать через поля, убили сразу. Уже упоминавшийся Бардонь по дороге к мастерской видел «по левой стороне шоссе на поле в хлебах всадников в

штатском [подчеркнуто автором] с толстыми палками или тележными вальками в руках...»⁹².

«Халинка Буковская с другими ребяташками бежала по улочкам Едвабне. Ей было восемь лет, но она запомнила многое: «Рядом с нашим домом проехал верхом пан Белецкий, гнал перед собой еврейку по фамилии Кивайко, имени не помню. Эта женщина, вся мокрая от пота, звала на помощь, но никто ей не помог. А все знали, что, когда Белецкий сидел в тюрьме, Кивайко заботилась о его детях»⁹³.

Всаднику легко было высмотреть в поле и догнать прячущегося человека.

В этот день в городке разыгралась своеобразная какофония насилия — множество несоординированных между собой действий, за которыми Кароляк и магистрат осуществляли лишь общий надзор, заботясь только о том, чтобы дело двигалось в нужном направлении. Но много, как мне представляется, было и частных инициатив. Бардонь какое-то время спустя должен снова пойти в мастерскую. И в том же самом месте снова встречает Вишневого над трупом Левина. «Я понял, что Вишневский здесь дожидается еще чего-то. Забрал из мастерской необходимые детали и на обратном пути встретил тех же самых молодых людей, которых видел, идя в мастерскую в первый раз. [Позже он поймет, что это были Юрек Лауданьский — так все его называют, наверное, он очень молодо выглядел — и Калиновский.] Теперь они шли, как я понял, к Вишневскому, на то место, где лежал убитый Левин, и вели другого человека иуд.[ейского] вероис.[поведания] по фамилии Здройевич Херц, он был женат, владел механизированной мельницей в Едвабне, я работал у него до

марта 1939 г. Они вели его под руки, с головы Здройевича стекала кровь по шее на грудь. Здройевич обратился ко мне: «Пан Бардонь, спасите меня». Я, сам боясь этих убийц, ответил: «Ничем вам не могу помочь», — и прошел мимо»⁹⁴.

Итак, в одном месте Лауданьский с Вишневским и Калиновский камнями забили насмерть сначала Левина, потом Здройевича; около дома Госцицкого палками забили еще четырех мужчин; в пруду на Ломжинской улице некто «Луба Владислав [...] утопил двух евреев-кузнецов»; еще где-то Чеслав Межейевский сначала изнасиловал, а потом убил Юдес Ибрам⁹⁵; дочь учителя хедера, которую все знали, потому что у нее в доме учились читать на иврите, красавице Гители Надольны отрубили голову, а потом забавлялись, пиная ее ногами, как мяч⁹⁶; на рынке «Добраньская просила воды, она потеряла сознание, и ее не дали спасти, мать убили, потому что она хотела дать воду; Бетка Бжозовская погибла с ребенком на руках»⁹⁷; все это время евреев зверски избивали, ну и грабили еврейские дома⁹⁸.

Наряду с частными инициативами отдельных злодеев были преследования более систематические, охватывающие целые группы жертв. Прежде чем убить, евреев унижали. «Я видел, как Собута и Василевский отобрали человек пятнадцать евреев и издевательским образом заставляли их делать гимнастические упражнения»⁹⁹. И группами вывели на кладбище, где уже убивали всех подряд. «Отобрали самых сильных мужчин, загнали на кладбище и приказали им выкопать ров, после того, как они его выкопали, взяли их и поубивали, били кто чем [так в тексте], кто железкой, кто ножом, кто палкой»¹⁰⁰. «Шелява Станислав

убивал железным крюком, ножом в животы. Свидетель [Шмуль Васерштайн, я цитирую его второе сообщение, хранящееся в ЕИИ. — *Авт.*] прятался в кустах. Слышал, как они кричат. Там, в одном месте, было убито 28 мужчин, причем самых сильных. Шелява схватил одного еврея. Язык ему отрезали. Потом долгая тишина»¹⁰¹.

Распалившиеся убийцы действовали весьма энергично. «Я стояла на ул. Пшитульской, — говорит пожилая женщина Бронислава Калиновская, — и бежал по улице Ежи Лауданьский, прож.[ивающий] в Едвабне, который сказал мне, что уже убил двоих или троих евреев, он был очень возбужден и побежал дальше»¹⁰². Но впрочем, вскоре убийцы сориентировались, что такими методами не удастся забить на смерть полторы тысячи человек. Тогда решили сжечь всех евреев сразу в овине. Мысль не особо оригинальная, так как именно таким образом расправились с евреями в заключительной фазе радзиловского погрома за несколько дней до этого. Но, как можно догадаться, эта инициатива, очевидно, не была подготовлена заранее, так как не было решено, в чем овине должно было это произойти. Сначала обратились к Юзефу Хшановскому: «Когда я зашел на рынок, то они [Собута и Василевский] сказали мне, чтобы я отдал свой овин для сожжения евреев. Я, значит, стал просить, чтобы мой овин не жгли, тогда они на это согласились и мой овин оставили, только мне приказали помочь им согнать евреев в овин Шлешиньского Бронислава»¹⁰³.

Но еще до того, как евреев погнали с рынка в последний путь к овину Шлешиньского, Собута со товарищи устроили небольшой спектакль. Во времена

советской оккупации в городке рядом с рынком поставили памятник Ленину. И «группу евреев-мужчин забрали, чтобы снести памятник Ленину, который стоял в скверике. Когда евреи снесли этот памятник, значит, велели им взять части памятника на колья и нести, а раввину идти впереди, неся свою шапку на палке, и всем петь «из-за нас война, ради нас война». Пока тащили памятник, всех евреев с рынка согнали в овин, тех, кто нес памятник, тоже, овин этот облили бензином и подожгли; в этом овине таким образом погибло около полутора тысяч человек евреев»¹⁰⁴.

Овин, как мы помним, окружала плотная толпа преследователей, которые впихивали внутрь истерзанных евреев. «Мы пригнали евреев к овину, — скажет Чеслав Лауданьский, — и велели входить, ну и этим евреям пришлось войти»¹⁰⁵. Там произошел случай, несколько напоминающий историю Корчака. Возчик, Михал Куропатва, во время советской оккупации прятал польского офицера. Его вытащили из толпы уже около самого овина и объявили, что в награду за этот поступок дарят ему жизнь. Куропатва отказался, и выбрал общую со всеми евреями смерть¹⁰⁶.

Керосин, которым облили овин, выдал со склада Антони Небжидовский Эугениушу Калиновскому и своему брату Ежи. «Вышеупомянутые отнесли этот керосин, который я выдал, восемь литров, облили овин, который был полон евреев, и подожгли, как было дальше, этого я не знаю»¹⁰⁷. Но мы знаем — евреи сгорели заживо. В последнюю минуту из этого ада вырвался Янек Ноймарк. Волной горячего воздуха распахнуло дверь овина, рядом с которой стоял он

с сестрой и ее пятилетней дочкой. Сташек Селява с топором в руке преградил ему путь, но Ноймарк сумел вырвать у него топор, и они убежали на кладбище. Он еще только успел увидеть своего отца, объятых пламенем¹⁰⁸.

Самым страшным убийцей из всех был, очевидно, некий Кобжинецкий. Он тоже, как свидетельствуют несколько человек, поджигал овин. «Потом, как люди рассказывали, больше всего евреев убил гр. Кобжинецкий, имени не знаю, — дает показания свидетель Эдвард Шлешиньский, сын хозяина овина, — который лично убил 18 евреев и принимал самое активное участие в убийстве во время сожжения»¹⁰⁹. Домохозяйка Александра Карвовская слышала не «от людей», а от самого Кобжинецкого, что он «зарезал ножом восемнадцать евреев, он говорил это у меня дома, когда клал печь»¹¹⁰.

Я думаю, что в городке, жители которого рассказывают друг другу, кто из них скольких людей убил и каким образом, вообще трудно было разговаривать на какую-либо другую тему. Таким образом, жители Едвабне, наподобие царя Мидаса, были обречены за свое деяние на беспрестанные разговоры о евреях и об убийцах. Антося Выжиковская, приехав туда через много лет после войны, говорила, что ей становилось страшно.

Была самая середина жаркого июля, и тела убитых и сожженных следовало как можно скорее убрать, но уже не существовало евреев, которых можно было бы согнать на эту работу. «Поздно вечером, — вспоминает Винценты Госцицкий, — меня взяли немцы на работу — закапывать сожженные трупы. Но я не мог этого делать, потому что как только это увидел, меня

стало рвать, и меня освободили от закапывания трупов»¹¹¹. Очевидно, не его одного, поскольку «через день или даже через два после убийства вечером, — как сообщает Бардонь, — я стоял с бургомистром Кароляком на рынке неподалеку от поста, тут подошел комендант поста жанд.[армерии] Едвабне Адамый и с нажимом сказал бургомистру: «Убить и сжечь людей вы сумели, да? А зарыть некому, да? К утру чтобы все были зарыты! Поняли?»¹¹²

Спустя шестьдесят лет Леон Дзедзиц расскажет журналисту «Речи Посполитой» и «Газеты Поморской», как он по распоряжению немцев зарывал останки едвабненских евреев. От него мы узнаем, среди прочего, что огонь шел по овину с востока на запад. Наверное, как раз такое было направление ветра. На пепелище овина «левый загром был почти пустой, там лежали отдельные трупы. В средней части на глиняном полу их было больше. А в правом загроме — многослойное сплетение тел». Мы узнаем также, что хотя каждого из могильщиков «выворачивало раз двадцать», но, когда развеялся «трупный газ», в воздухе «остался только запах жаркого» и что большинство евреев задохнулось или было задавлено. Только эти, снаружи, горели, «на трупах, лежавших глубже всего, даже одежда была не тронута огнем». «Трупы, — вспоминает Дзедзиц, — были переплетены между собой как корни. Кому-то пришлось в голову, чтобы раздирать их на куски и по кускам сбрасывать во рвы. Принесли картофельные вилы, разрывали как попало: то голову, то ногу... Вечером, когда дело шло к концу, оставались еще отдельные куски тел. Мы все это сгребали. Когда я попал вилами на коробочку с кремом для обуви, ко-

робочка открылась. Выкатились золотые монеты. Сбежались люди, начали собирать. Но жандармы отогнали толпу прикладами, обыскали всех... Кто спрятал находку в карман, у того отобрали, да еще дали в лоб. Кто сунул в ботинок, у того добыча уцелела... «Золото нам, остальное вам», — говорили они, показывая на трупы. Дзедзиц запомнил еще одну подробность: «Я слышал, что потом были проблемы, потому что немцы велели полякам оставить хотя бы одного ремесленника в каждой профессии. Но нас не послушали и потом впопыхах искали ремесленников среди христиан»¹¹³.

После 10 июля полякам уже нельзя было убивать евреев в Едвабне по собственному усмотрению, и несколько уцелевших даже возвратилось в город. Какое-то время они бродили по окрестностям, несколько человек работало на посту жандармерии, пока их в конце концов не загнали в гетто в Ломже. Войну пережили всего человек пятнадцать, семерых из которых прятали в Янчеве супруги Выжиковские¹¹⁴.

ГРАБЕЖ

В сохранившихся свидетельствах остается не затронутой одна большая тема — что стало с имуществом едвабненских евреев? Те немногие евреи, что пережили войну, знают лишь, что все потеряли, а на вопрос, кто завладел этой собственностью и что с ней стало, мы напрасно искали бы ответа в их Памятной Книге. В ходе следствий и судов 1949 и 1953 годов ни свидетелям, ни обвиняемым никто не задавал вопросов на эту тему, так что до нас дошли только обрывки информации.

Элиаш Грондовский, характеризуя участие отдельных людей в погроме, сообщает, что еврейское имущество разграбили Генек Козловский, Юзеф Собута, Розалия Шлешиньская и Юзеф Хшановский¹¹⁵; в показаниях Соколовской аналогичное поведение приписывается Бардону, Фредеку Стефани, Казимиру Карвовскому и Кобжинецким¹¹⁶. Абрам Борушак называет в этом контексте имена Лауданьских и Анны Полковской¹¹⁷. Жена Собуты, Станислава, объясняла на суде, что вместе с мужем «[мы] переехали на бывшую еврейскую квартиру по просьбе оставшегося там сына убитого еврея [мы знаем из других источников, что речь идет о семье Стерн], потому что он боялся жить там один»¹¹⁸. Кто позволил супругам Собута занять бывший еврейский дом, объясняет, в свою оче-

редь, свидетель Сулевский, говоря: «Не знаю». И добавляет: «Насколько мне известно, еврейские квартиры можно было занимать без позволения»¹¹⁹. Жена еще одного из главных злодеев, Станислава Селява (братья Селява, как мы помним, упомянуты в воспоминаниях Васерштайна и Янка Ноймарка), рассказывает более подробно об этом деле: «Зато я слышала от здешних жителей, но от кого конкретно, не помню, что Собута Юзеф вместе с Кароляком, бургомистром г. Едвабне, после убийства евреев в Едвабне принимал участие в перевозке бывших еврейских вещей на какой-то склад, но каким образом это осуществлялось, этого я не знаю, как не знаю, брал ли себе Собута бывшие еврейские вещи»¹²⁰. И еще уточняет эти объяснения в зале суда: «Я видела, как возили бывшие еврейские вещи, но обвиняемый только стоял около телеги с вещами, и я не знаю, *имел ли обвиняемый к ним отношение* (курсив мой. — Авт.)»¹²¹.

И возможно, здесь следует добавить несколько слов о судьбе самого овина. 11 января 1949 года, то есть сразу после волны арестов в Едвабне, в ломжинское Управление общественной безопасности пришло письмо от Хенрика Крыстовчика. «Итак, в 1945 году в апреле мой брат Зыгмунт Крыстовчик был убит за то, что был членом ППР и было ему поручено организовать ККВ, что он выполнил. Затем он был избран председателем. Будучи председателем ККВ, он приступил к восстановлению паровой мельницы на ул. Пшистшельской, бывшая еврейская собственность. — Далее Крыстовчик объясняет, кто и как убил его брата, чтобы завладеть мельницей, после чего добавляет, что строительный материал на мельницу поставил именно брат, который работал плотни-

ком, и резюмирует: — Бревна были взяты из овина гр. Шлешиньского Бронислава, который мы разобрали по той причине, что немцы ему отстроили новый, взамен старого овина, который сгорел вместе с евреями, который он отдал добровольно сам, чтобы в нем сожгли евреев»¹²².

Значит, вокруг этого дела и бывшей еврейской собственности в городе разыгрываются интриги даже в 1949 году.

Сожжение едwabненских евреев дало тот же эффект, что применение из сегодняшнего арсенала боевых средств нейтронной бомбы, — ликвидированы все собственники, при этом их материальные блага остались нетронутыми. Значит, кто-то на этом совсем неплохо нажился. А поскольку довоенные отношения в Едwabне между горожанами — как сказал старый аптекарь более полувека спустя — были «довольно идиллическими», то, может быть, именно алчность, а не какой-то атавистический антисемитизм была тем истинным скрытым мотивом действий организаторов страшного убийства?

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДРОБНОСТИ

В деле Рамотовского и его поделщиков, кроме протоколов допросов свидетелей и подозреваемых, найдены также разнообразные письма и прошения, которые позволяют нам ближе познакомиться с главными (анти)героями описанных событий. Свое вступительное определение — что это были такие обычные люди — я основывал на персональных данных с первой страницы протоколов допросов. Но о некоторых из них мы можем сказать несколько больше, чем только назвать возраст, количество детей и профессию.

Вскоре после январских арестов жены заключенных начали слать письма в Управление безопасности, объясняя роль их задержанных мужей в еврейском погроме. Вот, например, содержание письма Ирены Яновской, жены Александра, от 28 января 1949 года: «В критический день немецкая жандармерия с бургомистром и Василевским-секретарем во главе ходила по домам, выгоняя мужчин для присмотра за евреями, которых уже согнали на рынок, среди прочих вошли в мой дом, где застали мужа, и, строго приказав и пригрозив, с оружием в руке, выгнали мужа на рынок. Муж перепугался, он не знал, о чем идет речь, и сам боялся, так как при первых Советах работал чиновником, выполняя функции инспектора молокоза-

вода»¹²³. Янина Жилюк пишет прошение по делу своего арестованного мужа, датированное тремя днями позже: «Мой муж до времени начала немецко-советской войны в 1941 году работал старшим по сбору налогов. Из-за этого после прихода немцев в 1941 г. он должен был скрываться, поскольку все, кто работал с Советами, подвергались преследованиям»¹²⁴.

Разумеется, все должны как-то жить, при Советах государственная бюрократия непомерно разрослась, значит, жене арестованного сталинскими органами безопасности могло казаться логичным, что подчеркивание заслуг мужа на службе советской администрации как-то облегчит его судьбу. С другой стороны, осторожность требовала обходиться в подобных случаях без вымысла, поскольку сами Советы (а именно им в конечном итоге прошения были адресованы) лучше знали, кто с ними сотрудничал и в какой роли. Поэтому я счел бы эти две биографические подробности, самое большее, курьезом и малозначимой деталью, если бы не еще два откровения, на этот раз основных персонажей едвабненской драмы.

Сначала дадим слово Каролю Бардоню (напоминаю — единственный обвиняемый, которого приговорили к смертной казни на процессе Рамотовского и его подельников): «После вторжения Советской Армии в Белостокское воеводство и установления советской власти в октябре 1939 года я вернулся к ремонту часов и до 20 апреля 1940 года время от времени выполнял поручаемую мне работу по специальности в НКВД и других учреждениях советских властей. Отворял сейфы, потому что от них не было ключей, ремонтировал пишущие машинки и т.д. С 20 апреля я стал мастером-механиком и заведующим

механической мастерской в МТС. Там я ремонтировал колесные и гусеничные тракторы, сельскохозяйственные машины и автомобили для некоторых колхозов и совхозов. В том же машинном центре я был и бригадиром первой монтажной бригады, и техническим контролером. В то же время *я был депутатом гор. Совета города Едвабне, Ломжинского повята*¹²⁵. Бардонь мог быть очень хорошим механиком, но независимо от его профессиональной квалификации, чтобы занимать все эти должности, он должен был быть также признан Советами человеком, достойным доверия.

И наконец, наиболее поразительные откровения делает один из самых отъявленных злодеев того дня, старший из братьев Лауданьских, Зыгмунт. «В Министерство юстиции Управления общественной безопасности в Варшаве», так озаглавлено его прошение, посланное из тюрьмы в Остроленке 4 июля 1949 года. В этом прошении он описал следующий эпизод из своей биографии: «Когда наша территория была присоединена к БССР, я в то время скрывался ок. 6 месяцев от советских властей. [...] Я, скрываясь от выселения в то время, не пошел в банды, которые в то время создавались на нашей территории, а обратился с просьбой к Генералиссимусу Сталину, которую московская прокуратура, ул. Пушкинская, 15, направила в НКВД в Едвабне с распоряжением рассмотреть дело более подробно. После того как меня допросили и провели местное расследование, было выяснено, что меня несправедливо лишили прав. Выяснив мои взгляды, НКВД в Едвабне позвало меня сотрудничать в ликвидации антисоветского зла. [Неужели Лауданьски был од-

ним из *pentiti*¹²⁶ полковника Мисюрева?] Тогда я наладил контакт с НКВД в Едвабне — псевд[оним] письменно не сообщаю. Во время моих контактов, чтобы моя работа была успешной и чтобы не дать реакции обмануть себя, мое начальство приказало мне, чтобы я придерживался антисоветской позиции, поскольку я уже был известен властям. И когда разразилась внезапная Советско-немецкая война в 1941 году, НКВД не успело уничтожить все документы, я, опасаясь, совершенно не показывался, пока хитростью не вызнал [уговорив младшего брата, чтобы тот пошел работать в немецкую жандармерию и попробовал уничтожить компрометирующие документы], что самые важные документы были сожжены во дворе НКВД. [...] Чувствую себя несправедливо пострадавшим от этого приговора, поскольку мои взгляды иные, чем те, в которых меня обвиняют, потому что, когда я был в контакте с НКВД, жизнь моя постоянно находилась под угрозой, а теперь я, не примкнув ни к одной из реакционных банд, в которые вербовали насильно, уехал из родного города, приступив к работе по специальности в Гминном Кооп. [еративе] Кресть.[янской] В.[заимопомощи], который реакция преследовала, и, вступая в ППР, я ощущал, как в демократическом духе улучшилось мое благосостояние, и считаю, что именно на эти плечи может опираться наш рабочий строй. Заявляю, что оказался в тюрьме только как человек непонятый, потому что если бы мое мнение о дружбе с Сов. Союзом было известно, то если бы не немцы, то реакционные банды уничтожили бы меня вместе с семьей»¹²⁷.

При первом чтении нас поражает несокрушимый конформизм этого человека, пробующего предвосхитить ожидания всех следующих один за другим режимов эпохи печей и отдающегося этому каждый раз целиком — сначала как доверенное лицо НКВД, затем как убийца евреев, наконец, вступая в ППР. Но эти обнаружившиеся обрывки биографий четырех едвабненских (анти)героев (из двух дюжин самых активных участников истребления евреев), которые оказались близкими сотрудниками советских властей (а двое из них — Ежи Лауданьский и Кароль Бардонь — были впоследствии шуцманами в немецкой жандармерии), заставляют нас задуматься над явлением сотрудничества с оккупантом в целом, а не только сквозь призму черт характера отдельных людей. Я вернусь к этой теме в итоговых размышлениях.

А теперь в заключение еще только *cri de coeur*¹²⁸ младшего Лауданьского в 1956 году — Ежи, самого отъявленного убийцы среди обвиняемых. При росте метр восемьдесят он был, как мне думается, полным энергии юношей. В контрольно-следственных актах Управления общественной безопасности, где подозреваемых описывали с помощью анкеты, состоявшей из 34 пунктов, в рубрике «речь» у Лауданьского написано «громкая, чистая, польская», в то время как в аналогичных персональных анкетах других обвиняемых в этой рубрике мы по большей части читаем «тихая»¹²⁹. Почему я все еще сижу в тюрьме, раз не был сторонником оккупанта, а только самым обычным патриотом? — задает вопрос нравственно отупевший злодей. «Потому, что я вырос на территории, где шла усиленная антиеврейская борьба, а во время войны немцы массово истребили там, как и в других

местах, евреев, то неужели я один, самый младший по возрасту на процессе и выросший во времена санации, должен нести кару по всей строгости закона. Ведь меня со школьной скамьи воспитывали только в одном направлении, национализме, в результате чего в силу обстоятельств возникла однонаправленность, что значит, что меня касаются во время оккупации только дела, связанные с моим Народом и Отчизной. Доказательством служит то, что меня не надо было просить, когда потребовалось отдать себя для блага дела моей Отчизны во времена оккупации. Я законспирировался в подпольной организации в борьбе с оккупантом осенью в 1941 году в местности Поремба над Бугом, пов.[ят] Остров Маз.[овецкий], под названием Польский Повстанческий Союз, где моей деятельностью была перевозка подпольной прессы и других доверенных мне вещей. В 1942 г. в мае немецкое гестапо арестовало меня и посадило в тюрьму Павяк, откуда отправили в концентрационные лагеря: Освенцим, Гросс-Розен, Ораниенбург, где я страдал наравне с другими как поляк — политический узник три года. Но после того, как нас освободила Советская Армия в 1945 году, я не пошел вслед за теми, кто в то время презирал свою разоренную Отчизну и избрал себе легкую западную жизнь, чтобы впоследствии явиться как шпион или какой диверсант. Я, ни минуты не колеблясь, вернулся в разрушенную страну, к своему Народу, ради которого жертвовал своей молодой — едва двадцатидвухлетней — жизнью в борьбе с оккупантом. Суд, однако, не принял во внимание моих вышеперечисленных доводов, которые дают ясное доказательство, что я не был ни в каком отношении сторонником оккупанта,

а тем более таким, какого из меня сделало УОБ в Ломже в ходе следствия, на основе чего я получил такой суровый приговор. После возвращения я работал все время до своего ареста в государственных учреждениях»¹³⁰. Хуже всего то, что в каком-то извращенном смысле он был прав, высказывая эти претензии в адрес суда, — ведь его осудили по статье о коллаборационизме с оккупантами. А он, убивая евреев, ни секунды не сотрудничал, как он считает, ни с каким оккупантом. Напротив, он сотрудничал с собственными соседями, но ведь не за это сидел в тюрьме. И его освободили условно, как последнего из осужденных по этому делу, 18 февраля 1957 года¹³¹.

АНАХРОНИЗМ

Убийство евреев, совершенное в Едвабне, ошеломляет нас, вызывает ощущение беспомощности. И чтобы хоть в какой-то мере осознать это событие, мы обращаемся к картине прошлого, уже нам известной и потому осмысленной. И задаем себе вопрос — неужели массовые убийства в Едвабне и Радзилове не были (к тому же) своеобразным анахронизмом, принадлежащим другой эпохе? Словно летом 41-го крестьянская чернь сошла на землю со страниц сенкевичевской трилогии.

Разумеется, нужен был злой дух, чтобы разбудить и заставить действовать это дремлющее в людях чудовище. Но со времен Хмельницкого — которые в еврейской мифологизированной памяти закодированы словом «*Курбан*», порождающим тревогу прообразом катастрофы Шоах, — в польской деревне не только всегда жила, но время от времени обнаруживала себя вспышками насилия готовность уничтожить то, что чуждо, и в первую очередь евреев. «Резня и набег» — ведь этот образ действий время от времени повторяется и в XIX, и в XX веках¹³².

В основе, как я полагаю, всегда было мнение, что евреи употребляют кровь христианских детей при

приготовлении мацы, которое столетия продержалось неизменным, и не только в так называемой «глухой провинции». В конце концов, слухи о ритуальном убийстве мгновенно собирали толпы *горожан* в Польше для антиеврейских акций и после Второй мировой войны — именно этот механизм стимулировал погромы в Кракове (1945) или в Кельцах (1946). И ничто так не приводило в ужас деятелей Еврейских комитетов или жильцов домов, где после войны поселились оставшиеся в живых евреи, как визит живущего по соседству озабоченного родителя, христианина, разыскивающего своего потерявшегося отпрыска¹³³.

Имеется немало литературы на тему тесной связи между Холокостом и современностью. Мы прекрасно знаем, что для убийства миллионов людей требуется четко организованная бюрократия и (относительно) продвинутая технология. Однако убийство едвабненских евреев обнаруживает еще другое, глубокое, если так можно сказать, архаическое измерение всего этого начинания. Я имею в виду не только мотивацию непосредственных убийц — ведь крестьяне из ломжинского повята, даже если бы оказались восприимчивы к нацистской пропаганде, еще не успели бы ею проникнуться, — но также примитивные, испокон веков одни и те же способы и орудия преступления: то есть камни, колья, «железо», огонь и вода; а также своеобразное отсутствие организации. Трудно найти более убедительную иллюстрацию того, что о Холокосте следует мыслить одновременно в двух направлениях. С одной стороны, нужно уметь описать его как систему, которая

функционировала по заранее составленному (хотя претерпевающему постоянные изменения) плану. Но следует помнить, что была это также (а может быть, прежде всего?) мозаика, которая складывалась из отдельных эпизодов, импровизаций местных за-правил, а также из непосредственных импульсов и поведения местных жителей.

ЧТО ОСТАЛОСЬ В ПАМЯТИ

Один из классиков современной еврейской литературы, Аарон Аппельфельд, поехал в 1996 году в маленький городишко, расположенный в 20 километрах от Черновиц, в котором он вырос и в котором летом 1941 года убили его мать. Восемь с половиной лет проведенного там детства дали ему впечатлений на 30 книг, которые он написал на своей новой родине, в Израиле. «Не проходит дня, — пишет он в воспоминаниях об этом путешествии, — чтобы я не возвращался мыслями к дому». И спустя 50 лет красота знакомых мест пробудила ничем не омраченную память о жизни среди близких. «И кто бы мог предположить, что в этом городке, в шабат, в наш субботний праздник, 62 человека, главным образом женщины и дети, падут *жертвой вил и кухонных ножей* (курсив мой. — Авт.) и что я, поскольку был в задней комнате, успею убежать и спрятаться на курузном поле»¹³⁴.

Когда он обратился с вопросом к небольшой группе местных жителей, собравшихся вокруг приезжих (он был там вместе с женой в сопровождении документалистов, снимавших его визит), где находится могила евреев, убитых во время войны, никто, казалось, не мог ничего ему ответить. Только спустя какое-то время, когда он объяснил, что ребенком жил

здесь, и когда оказалось, что кто-то из присутствующих ходил с ним вместе в школу, — «высокий крестьянин подошел ближе, и местные жители объяснили ему, о чем я спрашиваю. А он, словно в каком-то старинном ритуале, поднял руку и указал: это там, на пригорке. Наступила тишина, потом заговорили все разом, но я их не понимал. Оказалось, то, что местные пытались от меня скрыть, было прекрасно известно всем, даже детям. Когда я спросил нескольких ребятшек, которые посматривали на нас из-за плетня, где еврейские могилы, они тут же вытянули ручки и показали».

Они все вместе поднялись на пригорок, и тут один из крестьян сказал: «Могила здесь», показывая на не вспаханное поле. «Точно?» — спросил я. «Я сам их хоронил, — ответил он. И добавил: — Мне было тогда шестнадцать лет»¹³⁵.

Как Аппельфельд отыскал полвека спустя могилу матери неподалеку от родной деревни, так и другой писатель, Хенрик Гринберг, нашел закопанный скелет отца, убитого весной 1944-го рядом с тайником в лесу, где они с семьей прятались. В ближайшей деревне отлично знали, кто, когда, где и по какой причине убил Гринберга и в каком месте закопано тело. Кинематографическая общественность в Польше, смотревшая документальный фильм Павла Лозиньского «Место рождения», могла это увидеть собственными глазами. Разумеется, все население Едвабне по сей день прекрасно знает, что случилось в их городе 10 июля 1941 года.

И поэтому я думаю, что самые подробные воспоминания об этом времени сохранились в каждой местности, в которой перебили евреев. К счастью —

иначе, забыв об этой нечеловеческой трагедии, как охарактеризовали бы себя в нравственном отношении ее невольные свидетели? И к несчастью — ведь зачастую местное население было не только свидетелем этой трагедии, а принимало в ней участие. Я не могу иначе объяснить страха, повсеместно распространенного в послевоенные годы у тех, кого мы сейчас называем «Праведниками Среди Народов», страха, что обнаружится, что во время войны они укрывали евреев.

А что им было чего бояться, мы также узнаем из уст героев рассказанной здесь истории едвабненских евреев: «Я, Александр Выжиковский, и моя жена Антонина хотим сделать следующее заявление»... Не буду приводить подробного описания обстоятельств, в каких Выжиковские укрывали Васерштайна и остальных шестерых евреев во время оккупации. Но то, что случилось с ними после освобождения, тоже относится к нашей теме: «Когда пришла Советская Армия, эти страдальцы вышли на свободу, мы одели их, как могли. Тот, кто был первым, пошел к себе домой, но его семья погибла, и он приходил к нам есть, остальные тоже пошли по домам. Как-то ночью в воскресенье я заметил, что идут партизаны и разговаривают: зайдем сегодня и покончим с этим евреем, а другой отвечает, что как-нибудь ночью перебыют всех. С тех пор этот еврей ночевал на поле в картофельной яме, я дал ему подушку и свое пальто. Я пошел к остальным и предупредил, что им угрожает. Они стали прятаться. Те две девушки, которые были их невестами, против них партизаны ничего не имели, и им бандиты приказали, чтобы они ничего не говорили женихам об их приходе, и они придут за ос-

тальными. В ту же самую ночь пришли к нам за евреем, чтобы мы его отдали, они его убьют, и больше он нам уже надоедать не будет. Жена моя сказала, что мужа нет, он пошел к сестре, а еврей поехал в Ломжу и не вернулся. Тогда они начали ее бить так, что у нее живого места на теле не осталось, одни синяки. Забрали, что было лучшего в доме, и приказали отвезти себя. Она отвезла их к Едвабне. Вернулась, а еврей уже вышел из тайника и увидел, что ее избili. Спустя какое-то время пришел другой еврей, Янек Кубраньский, мы поговорили и решили уезжать отсюда. Стали жить в Ломже. Жена оставила маленького ребенка родителям. Из Ломжи мы перебрались в Белосток, поскольку в Ломже не были уверены в своей безопасности. [...] В 1946-м мы переехали в Бельск Подлясский. Года два спустя тоже стало известно, и мы были вынуждены покинуть Бельск Подлясский». Так печать того, что они помогали евреям во время войны, оставалась на Выжиковских, слава эта тянулась за ними с места на место и, как оказалось, также из поколения в поколение¹³⁶ — еще сыну племянника, который не сменил местожительства, приятели в Едвабне поминали спасение евреев.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

О механизмах, применявшихся нацистами в целях «окончательного разрешения» еврейского вопроса, известно довольно много, как из основополагающего труда Рауля Гилберга¹³⁷ и исследований целой плеяды историков, так и из массы дневниковой литературы. И хотя, как мне думается, само явление навсегда останется тайной и вызовом, установлено множество фактов, и их будет все больше. Мы знаем, например, что оперативные группы СС, жандармерия и немецкая администрация, которые организовали Шоах, не заставляли местное население участвовать в непосредственном процессе убийства евреев. Разрешали, и допускали, и даже поощряли кровавые погромы, особенно после начала российской кампании — существует даже директива по этому поводу тогдашнего шефа Главного имперского управления безопасности Рейнхарда Гейдриха¹³⁸. Издавались различные запрещения. Как мы знаем, на территории оккупированной Польши под страхом смертной казни нельзя было помогать евреям. Но *никого не заставляли убивать евреев* — разумеется, если не принимать во внимание выходки особо изощренных садистов и различные лагеря, где узники неоднократно убивали друг друга, вынуждаемые к этому своими мучителями. Другими словами, *так называемое местное насе-*

ление, непосредственно принимавшее участие в убийстве евреев, делало это по собственному желанию.

Разве не здесь кроется важная часть ответа на вопрос, который не дает покоя польскому общественному мнению: почему евреи так глубоко обижены на поляков, кажется, еще больше, чем на самих немцев, которые все-таки были авторами идеи, инициаторами и главными исполнителями Холокоста? Но если в коллективной памяти евреев соседи-поляки в разных местах страны убивали их по собственной доброй воле — а не по приказу, будучи частью организованного формирования в военной форме (то есть действуя, во всяком случае по видимости, по принуждению), — то за эти действия, по представлению жертвы, разве они не несут какой-то особой ответственности? Ведь человек в мундире, который нас убивает, в какой-то мере является, во всяком случае, государственным функционером; но штатский в этой роли может быть только убийцей.

Поляки во время войны совершали, причем добровольно, множество поступков, направленных против евреев. Речь не идет только о непосредственных актах убийства. Вспомним нескольких женщин из варшавской кондитерской, описанных в воспоминаниях Михала Гловиньского, которые усердно пытались определить, не еврей ли маленький мальчик, оставленный за боковым столиком на четверть часа, хотя они вовсе не должны были этого делать и могли просто проигнорировать его недолгое присутствие в кафе¹³⁹. Между этим эпизодом и Едвабне размещается весь диапазон столкновений поляков и евреев, которые могли окончиться гибелью последних.

Обдумывая этот период, мы, разумеется, должны помнить, что коллективной вины не существует и что за убийство в ответе только убийца. Но необходимо задуматься над тем, что делает нас — нас как членов сообщества с отдельной субъективностью, сообщества, к которому мы принадлежим, поскольку ощущаем свое с ним единство, — способными на такие действия? Разве мы как сообщество, объединенное аутентично ощущаемой духовной связью, которая дает нам основание ощущать общность наших судеб — я имею в виду национальную гордость и ощущение самоидентификации, уходящие корнями в глубь исторического опыта многих поколений, — не ответственны также за позорные деяния наших предков и земляков? Другими словами, можем ли мы из потока истории произвольно выбирать наследие, которое мы признаем, провозглашая, что «вот это истинная Польша»? Может ли, например, юный немец, задумываясь сегодня, что значит для него быть немцем, просто проигнорировать двенадцать лет (1933—1945) истории собственной страны?

А если даже избирательность в таком процессе постижения собственной идентичности неизбежна (по природе вещей, ведь нельзя «все» вписать в собственный образ хотя бы уже потому, что никто не знает обо «всем» и вообще «все» запомнить при всем желании невозможно), то разве созданный в результате образ коллективной идентичности — для того, чтобы сохранить *аутентичность*, — не должен быть открытым для проверки, которой может подвергнуть его каждый, задав вопрос: а как такое-то и такое-то событие, ряд событий, эпоха вписываются в предлагаемый образ?

Каждый из нас принадлежит к какому-то сообществу, а точнее, ко многим сразу. Я поляк, у меня есть родные, я столяр, адвокат или землевладелец. И все это вместе составляет мою идентичность — принадлежность к профессиональной корпорации, определенной семье, социальному слою или национальности. Но и наоборот. Потому что хотя человек живет и делает то, что делает, на свою ответственность и за свой счет, но наши действия или отказ от них складываются (вместе с действиями множества других людей) в общую традицию, в наследие отцов, сохраняемое и формируемое затем в коллективной памяти.

Деятельность, выходящую за рамки нормы, мы особенно охотно воплощаем в каноне коллективной идентичности. И хотя это деятельность только Фредерика, Яна или Николая, но в то же время и наша. И польская музыка, совершенно, впрочем, справедливо, гордится своим Шопеном, польская наука — Коперником, а Польша именуется оплотом христианства, в частности, благодаря победе Собеского под Веной. В таком случае не будет злоупотреблением задать вопрос: разве то, что совершили Юрек (как писал о нем Васерштайн) Лауданьский и Кароляк, — необычные, не уместяющиеся ни в какие рамки действия, совершенные ими, — не имеет отношения к нашей коллективной идентичности?

Вопрос, разумеется, риторический, поскольку мы прекрасно понимаем, что такого рода массовое убийство касается нас всех. Достаточно вспомнить бурную публичную дискуссию, которую вызвал в свое время Михал Чихий статьей в «Газете Выборчей», вспоминающая убийство евреев, совершенное отрядом повстанцев во время Варшавского восстания¹⁴⁰. Именно та-

кая, а не иная реакция общества несомненно означает, что действия этой группки деморализованных молодых людей полвека назад так же живо касаются и интересуют поляков и сейчас. А ведь масштаб и обстоятельства едwabненского убийства нельзя сравнить ни с чем из того, что нам известно о польско-еврейских отношениях во время оккупации!

НОВЫЙ ПОДХОД К ИСТОЧНИКАМ

Преступление против евреев 10 июля 1941 года в Ед-вабне заново открывает историографию опыта польского общества во время Второй мировой войны. От успокоительных средств, которыми нас более полувека пользовали историки, публицисты и журналисты, — а именно: что евреев на территории Польши убивали исключительно немцы, при участии, возможно, каких-то формирований подсобной полиции, состоявшей из латышей, украинцев или каких-нибудь калмыков, не говоря уже, естественно, о постоянном «мальчике для битья», от которого всем легко откреститься, поскольку он представляет, как всем известно, немногочисленные отбросы общества, существующие везде (я имею в виду так называемых «шмальцовников»¹⁴¹), — пора отказаться. Начало такого исследования польско-еврейских отношений заставляет нас продумать заново огромную проблематику военной и послевоенной истории Польши.

Если речь идет о работе историка эпохи печей, это означает, в моем понимании, необходимость радикального изменения подхода к источникам. Наше изначальное отношение к каждому свидетельству уцелевших жертв Холокоста должно измениться. В них не следует сомневаться, их нужно принимать. Просто потому, что, считая текст такого свидетельства прав-

дой и признавая ошибку этой оценки только тогда, когда находим для этого убедительные доказательства, — мы избежим гораздо большего числа ошибок, чем занимая противоположную позицию.

Я говорю это, делая выводы частично из собственной прежней трактовки источников, которая привела к тому, как я уже писал, что мне потребовалось четыре года на то, чтобы понять сообщение Васерштайна. Но подобный же вывод напрашивается, когда мы замечаем огромные пробелы в польской историографии, в которой за более чем полвека после окончания войны все еще не появилось работ на основную тему, какой является вопрос об участии этнических поляков населения в уничтожении польских евреев. А информации об этом предостаточно. В самом ЕИИ можно прочитать более семи тысяч свидетельств, собранных сразу после войны, в которых спасшиеся евреи рассказывают, что с ними случилось. Если говорить о содержании этих свидетельств на интересующую нас тему, скажу только, что сборник «Это мой соотечественник...», в свое время опубликованный, не дает даже в приближении верной картины содержания всей коллекции.

Но не только наши прежние профессиональные недочеты («наши», то есть историков этого периода) хороший повод, чтобы изменить подход к оценке источников. Этот методологический императив также вытекает и из имманентных черт свидетельств об уничтожении польских евреев. Ведь все, что мы знаем на эту тему, — *самим фактом, что это рассказано*, — не является репрезентативным образцом еврейских судеб. Это все рассказы «через розовые очки», с хеппи-эндом, рассказы тех, кто выжил. Даже недо-

конченные сообщения — тех, кто не дожил до конца войны и оставил только фрагменты записей, — ведь записи можно вести только до тех пор, пока авторам удастся счастливо избежать смерти. О самом дне, о последнем предательстве, жертвой которого они пали, о крестных муках девяноста процентов довоенного польского еврейства мы не знаем ничего. И поэтому должны относиться к тем буквально обрывкам информации, которыми мы располагаем, с осознанием того, что истина о уничтожении евреев может быть только более трагична, чем наше представление о ней на основе свидетельств тех, кто выжил.

МОЖНО ЛИ БЫТЬ ОДНОВРЕМЕННО ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕМ И ЖЕРТВОЙ?

Война в жизни каждого общества играет мифотворческую роль. Не стоит распространяться о важности символики народной мартирологии, уходящей корнями в опыт Второй мировой войны, для самосознания польского общества. Спор о значении Освенцима — в подтексте: беспокойство, что евреи тяжестью своего страдания заслонят военную мартирологию поляков, — это только невинные отборочные забеги в сравнении с усилием, необходимым, чтобы охватить всю совокупность польско-еврейских отношений во время оккупации¹⁴². Потому что Едвабне, хотя это, возможно, самое большое единовременное убийство евреев, совершенное поляками, — не было явлением обособленным. А вслед за Едвабне возникает метаисторический вопрос: можно ли быть одновременно преследователем и жертвой, можно ли страдать и в то же время причинять страдания?

Ответ на этот вопрос в эпоху постмодернизма очень простой — разумеется, можно; более того, он уже был дан относительно Второй мировой войны. Когда союзники заняли территорию Германии и обнаружили концентрационные лагеря, то в рамках денацификации тут же стали распространяться сведения об ужасах нацистских преследований среди

местного населения. Реакция немецкого общественного мнения была неожиданной: *Agnes Deutschland*, бедная Германия!¹⁴³ Если то, что сделали нацисты и что нам теперь демонстрируют, действительно было, то мир станет ненавидеть нас. Именно такой отклик в первую очередь вызвало в немецком обществе распространение сведений о преступлениях, совершенных немцами в гитлеровский период. У немцев содалось убеждение, что они тоже были жертвами нацизма и Гитлера. Как мы видим, побудить их поверить, что они жертва, было очень легко, принять утверждение, что они были в этом конфликте преследователем, труднее.

Проблема совмещения статуса жертвы и преследователя ни в какой мере не уникальна для времен Второй мировой войны. «На этом, в частности, основана проблема поляков и коммунизма. Потому что не все — а скорее, очень мало — можно объяснить утверждениями о «чужих», «евреях», об «агентах НКВД», «янычарах» или «изменниках». Поляки выступали в роли жертв и палачей, правителей и мелких партийных боссов, сторонников и противников, тех, кто приобрел, и тех, кто утратил, тех, кто оказывал сопротивление (словом или действием), и тех, кто на них доносил. Такое положение продолжалось более четырех десятилетий, то есть в течение жизни нескольких поколений, и на той и на другой стороне были миллионы поляков. И действительно, трудно сейчас сказать с полной уверенностью, на какой стороне их было больше»¹⁴⁴.

Но такое совмещение противоречивых оценок может быть весьма трудным, что можно заметить на примере последних споров в Германии по поводу вы-

ставки фотографий, иллюстрирующих активную роль вермахта в убийстве гражданского населения на Восточном фронте. Поскольку обычно войско в восприятии общества имело репутацию института, который все же не принимал участия в нацистском преступлении истребления евреев. (Разумеется, немецкие историки давно знали, как было на самом деле, и писали об этом.) Готово ли общественное мнение в Польше дополнить укоренившееся знание о мартирологии общества во время Второй мировой, основанное на страшном опыте большинства польских семей, знанием о страданиях, причиненных евреям поляками? Не могу ответить на этот вопрос. Пока просто следует отметить, что легче проникнуться убеждением, что ты жертва, чем признать ответственность за совершенные преступления.

Среди евреев, которые оказались в переселенческих лагерях на территории Германии — как мы знаем, евреи убегали из Польши в эти лагеря еще в течение нескольких послевоенных лет, — ходила фраза: немцы нам никогда не простят того, что они нам сделали. Я думаю, может быть, вместо того, чтобы твердить себе, как Берман с Минцем завладели Польшей в 1945 году, и объяснять келецкий погром провокацией органов безопасности, стоит поставить тот же диагноз для понимания явления послевоенного антисемитизма в Польше?

Широко распространенная в то время в Польше агрессивная неприязнь к евреям была скорее дорефлексивной, чем выведенной из холодного анализа новой политической ситуации. Что позволяет нам так думать? Возьмем и рассмотрим, например, явление, имевшее широкий политический отклик, — не

какой-нибудь единичный эпизод или услышанный разговор, а коллективные и добровольные действия рабочего класса. В основополагающей работе под названием «Рабочие забастовки в Польше в 1945—1948 годах», опубликованной в 1999 году, — то есть написанной на основе серьезного изучения уже доступных исследователям архивных материалов, — молодой историк подробно описал все волны рабочих протестов, прокатившиеся по Польше в этот период. А их тогда было много. Постепенно ликвидировались независимые общественные организации, профсоюзы, политические партии с большими традициями — Польская социалистическая партия Зыгмунта Жулавского или Польская крестьянская партия с Миколайчиком, Межвой и Кордоньским. Оказывается, что за все это время *только однажды рабочий класс остановил станки и отложил инструменты, приступая к забастовкам под лозунгами, не касающимися чисто бытовых вопросов* — протестуя против обмана и публикации в прессе якобы существовавших петиций рабочих коллективов, в которых выражалось возмущение по поводу погрома в Кельцах! Пролетарский город Лодзь, как и в 1905 году, и в этот раз был в авангарде: «10 июля (какой-то роковой день — это 10 июля! — *Примеч. авт.*) на ряде лодзинских фабрик были организованы митинги для осуждения виновников погрома в Кельцах. Принятые резолюции подписывали неохотно. Несмотря на это, на следующий день они были опубликованы в прессе. Это вызвало забастовки протеста. Первыми забастовали рабочие Лодзинской нитяной фабрики и предприятий Шайблера и Громана, к которым присоединились рабочие фабрик

Буле, Циммермана, «Варта», «Темпо Расик», Хоф-рихтера, Гампе и Альбрехта, Гутмана, Детцеля, Радзийевского, Вейраха, Киндермана, «Волчанка», и двух швейных мастерских. Сначала они хотели опровержения неверной информации, затем возникло требование освободить осужденных по келецкому делу. Протесты проходили бурно, доходило до актов насилия по отношению к тем, кто призывал взяться за работу. [...] Такого типа реакции рабочих не были в масштабах страны чем-то исключительным. Коллективы многих фабрик отказались принимать резолюции, осуждающие виновников погрома, в Люблине во время митингов 1500 железнодорожников по этому поводу слышались выкрики: «Долой евреев», «Позор, приехали евреев защищать», «Берут не отважится на смертный приговор», «Вильно и Львов должны быть наши»¹⁴⁵.

Тогда было много возможностей выразить протест против прихода к власти коммунистов, тем не менее политических мотивов такого рода именно этой волне забастовок приписать нельзя. А если забастовки после погрома в Кельцах невразумительны как протест против воображаемой «жидокоммуны», то их можно отлично объяснить как протест против того, что в послевоенной Польше нельзя рассчитывать с убийцами беззащитных христианских детей¹⁴⁶.

Почему Выжиковские должны были бежать из собственного дома? «Гершек, ты, значит, выжил?» — с недоверием, презрением и угрозой повторяли знакомые поляки из Едвабне, увидев Гершеля Пекажа, когда он вернулся из своего укрытия в лесу¹⁴⁷. Такая реакция, разумеется, не имела ничего общего с жидокоммуной и взятием власти в Польше коммуниста-

ми. Гершель Пекаж, евреи, которым удалось выжить, Выжиковские, другие поляки, которые на территории всей страны укрывали евреев, а после войны в страхе таили этот факт от своих соседей, были неудобными свидетелями совершенных преступлений, плодами которых, что говорить, постоянно пользовались; они были ходячими угрызениями совести и потенциальной угрозой.

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ

А большая военная тема, которая, как мы знаем, в польской историографии этой эпохи вообще не существует, — я имею в виду коллаборационизм? Ведь когда немецкие войска напали на Советский Союз в июне 1941 года, население на территориях, недавно присоединенных к СССР, встречало их как освободительную армию. «В телеграмме от 8 VII 1941 г. Грот Ровецкий сообщал, что на Восточных границах можно было заметить спонтанно выражавшуюся симпатию к немцам как «к освободителям из-под большевистского гнета, в котором большое участие принимали евреи»¹⁴⁸. Иначе говоря, более половины предвоенной территории польского государства было на рубеже июня — июля 1941 года освобождено (только от большевиков), и местное население — разумеется, за исключением евреев — праздновало освобождение, приветствуя наступающие соединения вермахта пресловутым хлебом-солью, назначая послушную немецким требованиям местную администрацию и принимая правила так называемого Vernichtungskrieg, то есть истребительного террора, направленного против «комиссаров» и евреев. «Во время наступления немцев на советские войска, — пишет крестьянин из Белостокского повята, — польское население с территорий Белостокщины доволь-

но охотно принимало немцев, не зная, что перед ним стоит самый страшный враг польского народа. В некоторых городках немцев даже встречали цветами и т.п. [...] Сестра одного из жителей деревни вернулась из Белостока в это время и рассказывала, что польское население в этом городе встречало немцев рукоплесканиями». «Наконец в июне 1941 г. разразилась долгожданная война немцев с русскими, и через несколько дней после начала русские уступили. Люди, укрывавшиеся от русских, ощутили огромную радость, они больше не боялись, что их вывезут в Россию, а каждый, кто встречал знакомых или родных, с которыми какое-то время не виделся, — то вместо приветствия говорил: «Теперь уже нас не вывезут». Случилось так, что ксендз соседнего прихода, проезжая через деревню на следующий день после отхода русских войск, говорил каждому, кого встречал по пути: «Теперь уже нас не вывезут». Кажется, русские, вывозя так массово поляков в Россию, поступали ошибочно, за это их здешние люди возненавидели»¹⁴⁹. В рапорте об обстановке оперативной группы из России от 13 июля мы читаем следующее замечание о Белостоке: «Казни происходят все время с той же частотой. Польская часть местного населения оказывает содействие казням, проводимым полицией безопасности, донося, где находятся еврейские, русские и польские большевики»¹⁵⁰. В конце концов, Рамотовский с подельниками обвинялся в том, что, «идя навстречу власти немецкого государства, принимали участие»... и так далее, и так далее.

Здесь есть интересная тема для социопсихолога — проблема наложения в коллективной памяти двух эпизодов: появления на этих территориях Красной

Армии в 1939 году и вермахта в 1941 году и проекция собственного поведения 1941 года местным населением на закодированный рассказ о поведении евреев в 1939 году. Говоря прямо — энтузиазм евреев при виде входящей Красной Армии не был так уж распространен, к тому же неизвестно, на чем должен был бы основываться исключительно еврейский коллаборационизм с Советами в период 1939—1941 годов. Я писал на эту тему подробнее в книге «Кошмарное десятилетие», в главе «Благодарю их за такое освобождение и прошу, чтобы это было в последний раз». Кроме того, в отношении Едвабне я могу привести фрагмент беседы Агнешки Арнольд с городским аптекарем, который следующими словами пытается объяснить, на чем должно было быть основано сотрудничество евреев с Советами, за что, быть может, население Едвабне жаждало поквитаться с ними: «Видите ли, я... я о таких доказательствах не знаю. Я только говорю, что такие... это было секретом полишинеля. Так говорили. Но кто-то должен был это делать. Но я не могу поручиться за это... Нет, я не видел, чтобы кто-то был. Об этом я не знал»¹⁵¹. Другими словами, здесь мы имеем дело с действием стереотипа, клише, которые находят подтверждение во всем — например, в том, как беззаботно маршируют по улице еврейские дети, или в том, что еврей работает на почте, или в том, что какой-то вспыльчивый еврейский юноша дерзко отвечает прохожему поляку или клиенту в магазине. Разумеется, среди евреев были и доверенные лица НКВД, и коллаборационисты, но, как мы уже прекрасно знаем, не только среди евреев; а в Едвабне, вероятно, и не в первую очередь. В то же время не подлежит сомнению, что местное на-

селение (за исключением евреев) восторженно встречало наступающие соединения вермахта в 1941 году и сотрудничало с немцами, включившись также в процесс уничтожения евреев. Фрагмент приведенного ранее сообщения Финкельштайна о Радзилове — дополнительно подтвержденного воспоминаниями крестьян окрестных деревень, которые я цитирую, — представляет собой нечто совершенно противоположное распространенным рассказам о поведении живущих у границы евреев при виде входящих в 1939 году в Польшу большевиков.

А разве, например, эпизод, описанный полковником Мисюревым и подтвержденный (авто)биографией Лауданьского, не является частным случаем общего явления, характерного для этой эпохи? Разве люди, скомпрометированные сотрудничеством с режимом, опирающимся на насилие, не предрасположены каким-то образом к коллаборационизму с любой очередной террористической системой власти? Частично потому, что, демонстративно сотрудничая, они пытаются вовремя загладить свою «вину» на случай, если новые власти узнают о том, что они делали во время правления их предшественников; а частично потому, что новые власти, когда уже узнают о том, кто был кем, могут добиться их полного повиновения шантажем: либо сотрудничество, либо казнь или тюрьма.

Нацизм, повторим за немецким философом Эриком Фегелином, это режим, который использует дурные склонности человека. Не только так, что к власти приходит «сброд», но еще и так, что «простой человек, который порядочен лишь до тех пор, пока общество находится в состоянии общего равновесия,

впадает в амок, не зная даже как следует, что с ним происходит, когда этот порядок рушится»¹⁵².

Вторая мировая война — а конкретно советская и немецкая оккупация, которую она с собой принесла, — была первым столкновением польской провинции с тоталитарным режимом, и ничего странного, что из этого испытания она не вышла победительницей. Следствием и одного, и другого коллективного опыта стала глубокая деморализация. И чтобы заметить это, нам не нужно прибегать к тонкому анализу Казимежа Выки из бесподобного исследования о войне под названием «Якобы жизнь». Достаточно вспомнить бич оккупационного алкоголизма и «бандитства»¹⁵³, а для иллюстрации взять в руки, например, уже цитированные мною прежде воспоминания крестьян, присланные на конкурс «Чительника», объявленный в 1948 году. Кристина Керстен и Томаш Шарота издали их в четырех толстых томах под названием «Wiece Polska 1939—1948»¹⁵⁴.

А вообще вопрос стоит шире, поскольку касается всей гаммы неморального (назовем его так) поведения, о котором историки до этих пор, собственно говоря, не писали: «Нет систематического, фундаментального исследования ни о тех, кто выдавал немцам скрывающихся евреев, ни о тех, кто извлекал выгоду, используя такую угрозу. Ни о том, как поляки брали себе «имущество, оставшееся от евреев», когда создавались гетто, или как они участвовали в ограблениях опустевших домов и магазинов. Нет исследования о доносах в гестапо на «подозрительных» людей, собирающихся в какой-то квартире, на бойцов подпольных организаций, на распространителей подпольных газет. Хотя комендант Армии Крайовой, ген. Ровец-

кий, был арестован благодаря полякам, тайным сотрудникам гестапо. Доносили также из желания навредить ненавистному соседу или завладеть частью его имущества. Нет исследования о бандитизме, который неслыханно разросся во время войны. Как известно, война часто бывает периодом глубоких социальных изменений — одни группы теряют, другие приобретают. Среди тех, кто нажился, немало было таких, кто получал доходы от торговли с немцами, кто соглашался на то, чтобы управлять чьим-нибудь имуществом, кто спекулировал и заключал сделки с оккупантами. Никто об этом не написал»¹⁵⁵.

Для меня самым потрясающим свидетельством нравственного упадка в этот период — нарушения глубочайших культурных табу, запрещающих убивать невинных людей, — служит сообщение крестьянки из-под Вадовиц, которое трогает душу как гимн верности, любви и преданности. Вот что рассказывает «бывшая служанка» Карольча Сапетова: «Семья состояла из троих детей и родителей. Младший — Самуш Хоххейзер, девочка Салюся и самый старший Изя. Я вырастила детей. В первый год войны отца застрелили. Когда всех евреев забрали в гетто, мы расстались. Я ежедневно ходила в гетто и приносила, что только могла, так как очень тосковала без детей, я считала их своими. Когда в гетто стало беспокойно, дети приходили ко мне и оставались до тех пор, пока все не успокоилось. У меня они чувствовали себя как дома. В 1943 году в марте началась ликвидация гетто. Самый младший мальчик был уже у меня в деревне благодаря случайности. В этот день я пошла к воротам гетто, которые были со всех сторон окружены эсэсовцами и украинцами. Люди гонялись друг за

другом, как сумасшедшие, матери с детьми беспомощно толпились у ворот. Вдруг я заметила мать с Салюсей и Изей. И мать меня заметила и сказала девочке на ушко: «Иди к Карольче». Салюся, долго не раздумывая, проскользнула, как мышь, между тяжелыми сапогами украинцев, которые каким-то чудом ее не заметили. Она бежала ко мне, умоляюще вытянув ручки. Я вся оцепеневшая пошла с теткой и Салюсей в направлении моей деревни Витановице около Вадовиц. Мать с Изей отправилась на выселение, и больше о них никто не слышал. Тяжелая это была жизнь, надо верить, только чудо спасло этих детей. Сначала дети выходили из избы, но, когда отношения обострились, мне пришлось прятать их дома. Но и это не помогало. В деревне знали, что я прячу еврейских детей, и начались преследования и угрозы со всех сторон, чтобы детей выдать гестапо, потому что это опасно тем, что спалят всю деревню, что всех перебьют и так далее. Солтыс деревни был настроен ко мне благожелательно, и это меня успокаивало. Самых назойливых и агрессивных я успокаивала каким-нибудь гостинцем, можно сказать, подкупала.

Но это длилось недолго. Эсэсовцы постоянно вынюхивали, и снова начались скандалы, пока однажды мне не объявили, что мы должны детей сжить со света, и придумали план, чтобы детей завести в сарай и там отрубить головы топором, пока они будут спать.

Я ходила как безумная, мой старик отец тревожился. Что тут делать? Что делать? Бедные несчастные дети знали обо всем и, ложась спать, говорили нам: «Карольча, вы нас сегодня еще не убивайте. Еще не сегодня». Я чувствовала, что цепенею, и решила, что детей не выдам ни за что на свете.

Мне пришла в голову спасительная мысль. Я посадила детей на телегу и сказала всем, что отвезу их за деревню, чтобы утопить. Проехала через всю деревню, и все видели и поверили, а когда настала ночь, я с детьми вернулась...»

Все хорошо кончается, дети выжили, Сапетова говорит с нежностью, что поедет с ними хоть на край света, потому что любит их больше всего. А у нас остается только мрачная мысль, что деревня под Вадовице успокоилась и вздохнула с облегчением только тогда, когда узнала, что одна из ее жительниц убила двоих маленьких еврейских детей¹⁵⁶.

Каким образом деморализация отразилась на отношении польского населения к евреям, с несравненным красноречием описал один из самых серьезных мемуаристов этой эпохи, директор городской больницы в Шчебжешине, доктор Зыгмунт Ключковский. Уже после уничтожения в городе евреев (страшную хронику этих событий он оставил в своем «Дневнике времен оккупации Замойщины»), 26 ноября 1942 года Ключковский в отчаянии записывает следующее: «Крестьяне в страхе перед репрессиями ловят евреев по деревням и привозят их в город или часто просто убивают на месте. Вообще в отношении к евреям преобладало какое-то странное озверение. Какой-то психоз охватил людей, которые по примеру немцев часто не видят в еврее человека, а считают его каким-то вредным животным, которое следует уничтожить любым способом, как бешеных собак, крыс и т.д.»¹⁵⁷.

Итак, принимая участие в преследовании евреев летом 1941 года, житель тех мест имел возможность понравиться новым властям, получить материальную

выгоду (можно догадаться, что еврейское имущество в первую очередь делили между собой преследователи не только в Едвабне), а также дать выход давно культивируемой неприязни к евреям. Добавим к этому сходство нацистского лозунга о войне не на жизнь а на смерть против «жидов и комиссаров» с доморощенным конгломератом «жидокоммуны», на которой наконец-то была возможность «отыграться» за период советской оккупации¹⁵⁸. Как же можно было устоять перед такой дьявольской смесью? Разумеется, необходимым условием было предшествующее ужесточение отношений между людьми, деморализация и общее разрешение на применение насилия. Но именно на этом, как нам известно, основывался механизм осуществления власти и одного и другого оккупанта. Нетрудно себе представить, что, кроме Лауданьского, среди самых жестоких участников истребления и погрома едвабненских евреев было еще несколько других бывших «сексотов» НКВД, о которых в свое время полковник Мисюрев писал секретарю Попову.

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА СТАЛИНИЗМА

Но время, слава Богу, не остановилось на 1941 годе. И если мы согласимся, что описанный механизм имеет психологическую и социологическую видимость правдоподобности, то придем к очень интересной гипотезе относительно захвата и установления коммунистической власти в 1945—1948 годах. Разве на местном уровне опорой народной власти в Польше не были (также) люди, скомпрометированные во время гитлеровской оккупации? Разумеется, мы знаем, что коммунизм был для многих людей глубоким идейным переживанием и что с коммунистическим движением люди связывали себя, руководствуясь подлинной потребностью души, а не только (и даже не прежде всего) расчетом или же под давлением расположенного поблизости гарнизона Красной Армии. Но наряду с этим «чистым» (то есть идейным) течением, тоталитарные режимы двадцатого века пользовались людьми совершенно иного покроя и притягивали их к себе на иных основаниях. Приспешниками этой власти всегда бывали люди, лишённые всяких принципов. Сталинизм или гитлеризм играли в целях захвата и удержания власти на низменных инстинктах; опирались, о чем уже шла речь, на использование существующего в человеке зла.

В 1964 году известный немецкий мыслитель Эрик Фегелин, который как антифашист эмигрировал из Германии после прихода к власти Гитлера, вернулся в Мюнхен, чтобы занять место директора Института политических наук в университете. По возвращении он прочел цикл лекций под названием «Гитлер и немецкий народ», ставших важным политическим и духовным событием в масштабе всей страны. Он сказал тогда, в частности: «Нашей проблемой является духовное состояние общества, в котором национал-социализм мог прийти к власти. Другими словами, проблема не в национал-социалистах, а в немцах»¹⁵⁹; «наша проблема состоит в том, что никуда не годных людей можно встретить в обществе везде, включая самые высокие сферы, то есть среди пасторов, прелатов, генералов, промышленников и т.д. Поэтому я предложил бы определить это явление общим термином «сброд». Есть люди, которых можно назвать сбродом в том смысле, что они не обладают ни духовным, ни интеллектуальным авторитетом и не умеют реагировать на рациональные аргументы и духовные требования, даже обращенные к ним [...] Очень трудно понять, что элита общества может состоять из сброда. Но на самом деле именно так и есть»¹⁶⁰. Множество авторов писало об этом, причем с разных точек зрения.

Почему среди этого самого фегелиновского «сброта», который делал грязную работу нацистов, нельзя было бы пять лет спустя набрать базу сталинского аппарата власти? Я имею в виду окружение ядра идейных коммунистов (которых, как нам известно, в Польше было очень немного), состоящее из конформистов и конъюнктурщиков с запятнанной

биографией. Во имя каких дорогих им ценностей и принципов они должны были бы оказать неповиновение и отвергнуть привилегии, какие несет с собой участие в (местном) аппарате власти (читай — насилия)? Почему они должны были бы идти в тюрьму, когда могли пойти работать в полицию? Разве Лауданьский не написал с мыслью о себе подобных, что «именно на эти плечи может опираться наш рабочий строй»? Стоит также взглянуть сквозь эту призму на процесс установления коммунистической власти скорее со стороны общества, а не аппарата, и задуматься, не там ли, где люди принимали участие во время войны в преследовании евреев, местное общество было особенно беззащитно при процессе советизации? Ведь коллективная солидарность — это антиномия социальной атомизации, то есть единственный успешный способ частичной, по крайней мере, нейтрализации коммунистической монополии власти, но как отважиться на такую солидарность — в местном обществе, которое только что участвовало в уничтожении собственных соседей? Как можно доверять кому-то, кто убивал или выдавал, обрекая на смерть, другого человека? А кроме того, раз уже мы однажды были инструментом насилия, во имя каких ценностей сумеем потом противостоять попыткам порабощения нас кем-то другим? Разумеется, ни одно из этих возражений не может помешать попыткам заключить соглашение с более сильным, но это означает только то, что мы становимся послушными.

Эту проблему, разумеется, можно решить только путем эмпирических исследований, но как гипотеза она интригует, переворачивая повсеместно признанное клише на тему *начала коммунистических порядков*

в Польше, указывая не столько на евреев, сколько на антисемитов. В конце концов, в бесчисленных гминах, городках и городах провинциальной Польши после войны уже не было евреев, потому что те немногие, кто пережил войну, быстро бежали оттуда. А ведь в рамках введения народной власти кто-то должен был там брать кого-то «за морду». Значит, «кто кого?», как спрашивал Владимир Ильич Ленин около ста лет назад. Хотя бы приняв во внимание направление развития мировоззренческого коммунистического режима в Польше за последние двадцать лет — ведь в марте 1968-го именно формация так называемых «партизан» времен оккупации пыталась прийти к власти, выдвигая антисемитские лозунги, — я бы не стал отметать эту гипотезу (повторим — что скорее родимый люмпен-пролетариат, чем евреи составлял социальную базу сталинизма в Польше), не задумавшись над ней¹⁶¹.

НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Еврейский вопрос в историографии времен войны словно свободно висящая нитка в тонкой ткани — стоит за нее потянуть посильнее, и весь искусный узор распустится. Оказывается, что антисемитизм загрязнил все пространство современной истории Польши и превратил его в постыдную тему, вызывая к жизни версии многих событий, призванные играть роль фигового листка.

Но история общества — это не что иное, как коллективная биография. И, как и в биографии — жизнеописании, которое состоит на деле из отдельных эпизодов, — все в истории общества взаимосвязано. И если в каком-то пункте биографии есть ложь, то все, что произойдет позже, тоже будет каким-то образом не подлинное, проникнутое беспокойством и неуверенностью. И в результате вместо того, чтобы жить собственной жизнью, мы будем недоверчиво оглядываться, пытаясь догадаться, что о нас думают другие, отвлекать внимание от стыдных эпизодов в прошлом и все время защищать свое доброе имя, усматривая в каждой своей неудаче заговор чужаков. Польша в этом отношении не исключение в Европе. И, как и в случае обществ нескольких других стран,

чтобы обрести собственное прошлое, мы будем должны рассказать о нем себе заново.

Соответствующее напоминание мы находим, разумеется, в Едвабне, где на двух памятниках выбиты в камне надписи, которые сначала нужно будет «расковырять», чтобы освободить от них историческую правду. На одном сказано просто, что евреев убили немцы:

**МЕСТО КАЗНИ ЕВРЕЕВ
ГЕСТАПО И ГИТЛЕРОВСКАЯ ЖАНДАРМЕРИЯ
СОЖГЛИ ЗАЖИВО 1600 ЧЕЛОВЕК 10 VII 1941**

Надпись на другом, поставленном уже в свободной Польше, дает понять, что евреев в Едвабне вообще не было (либо в ней неосознанно отражено свидетельство совершенного преступления):

**ПАМЯТИ ОКОЛО 180 ЧЕЛОВЕК,
В ТОМ ЧИСЛЕ 2 КСЕНДЗОВ,
УБИТЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ГМИНЫ ЕДВАБНЕ
В 1939—1956 ГОДАХ
НКВД, ГИТЛЕРОВЦАМИ
И УПРАВЛЕНИЕМ БЕЗОПАСНОСТИ.
ОБЩЕСТВЕННОСТЬ**

Потому что на самом деле тысячу шестьсот едвабненских евреев, которые здесь не упомянуты (хотя они и были «убиты на территории гмины Едвабне в 1939—1956 годах»), убили вовсе не немцы и не убековцы, а общество¹⁶².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В контрольно-следственных материалах этого дела, находящихся в Управлении общественной безопасности в Ломже, сохранился «Рапорт о ликвидации» от 24 января 1949 года, в котором в первом пункте описано «прохождение акции ликвидации». Мы узнаем, что 8 января в Едвабне арестовано 15 человек, в то время как «семь человек не были арестованы, поскольку они скрываются в неустановленных местах». В очередном документе от 24 марта 1949 года мы находим информацию для прокурора Окружного суда в Ломже о поисках нескольких человек, связанных с этим делом — в том числе бывшего бургомистра Кароляка, братьев Боравских и некоторых других, которые, как утверждается в рапорте, уже умерли. Контрольно-следственные акты Управления общественной безопасности в настоящее время хранятся в архиве в Белостоке (УОБ). *(Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, — примеч. автора.)*

² Я употребляю этот оборот с отсылкой к фундаментальному исследованию Кристофера Браунинга «Ordinary Men: Reserve Police Batalion 101 and the Final Solution in Poland». New York, Harper and Collins, 1992.

³ Издававшийся с помощью ксерокса «Глос Едвабного» в июньском номере 1986 года дает сведения, что в 1949 году город «вместе с предместьями Кайетаново, Коссаки, Бички насчитывал 2150 жителей».

⁴ Цитаты взяты из актов двух дел, хранящихся в архиве Главной комиссии (ГК) изучения преступлений против польского народа: дела Болеслава Рамотовского и его това-

рищей, хранящимся под шифром SOŁ 123, и дела Юзефа Событы, также касающегося обстоятельств убийства едвабненских евреев, которое хранится под шифром SWB 145. В томе дела страницы пронумерованы вручную. Цитированная фраза находится в GK, SOŁ 123 на странице номер 3 (GK, SOŁ 123/3).

Я хотел бы поблагодарить профессора Анджея Пачковского, с помощью которого получил доступ в архивы Главной комиссии в то время, когда они практически были закрыты в связи с передачей материалов в только что созданный Институт национальной памяти. Я также должен поблагодарить работников лаборатории Института новейшей политической истории профессора Пачковского в Польской академии наук за прекрасную дискуссию во время встречи, на которой я впервые излагал выводы своих исследований. (Автор приводит цитаты с сохранением орфографии, что невозможно передать в переводе, но стиль свидетельств и показаний максимально сохранен. — *Примеч. перев.*)

⁵ В актах ломжинского Управления общественной безопасности находится документ от 30 декабря 1947 года — донес на бывшего бургомистра Едвабне, Мариана Кароляка, зарегистрированный как «Докладная»: «Настоящим докладываю, что в городе Едвабне, Ломжинского повята, во время немецкой оккупации жил и работал в Городской администрации на должности бургомистра гражд. Кароляк Мариан; его внешность: крепкого телосложения, лицо круглое, полное, волосы были черными, теперь по большей части седые, рост около 180 см, лицо чистое, без особых примет. Еще во времена оккупации он был арестован немецкими властями, и насколько мне известно, за то богатство, что поотбирал у евреев и неравно поделился с немцами. По выходе был снова арестован немцами, и с тех пор след его пропал. Я сегодня, 1.XII.1947 г. был в Варшаве и в районе Гроховской видел его сам, как шел по улице этот

самый Кароляк Мариан. Как только он меня увидел, сразу пропал из виду. Я хотел сообщить о нем в Гражданскую милицию или другим властям, но в это время на той улице никого не было. (...) Гражд. Кароляк Мариан, когда был в Едвабне бургомистром, доставлял большие неприятности людям, одних забирал, а других выдавал в руки немцев, а лучше всего о нем могут рассказать жители Едвабне» (УОБ).

⁶ Еврейский исторический институт (ŻIH), коллекция № 301, документ 152, написанный Еврейской исторической комиссией в Белостоке 5. IV. 1945 года. Внизу страницы добавление: «Свидетель Шмуль Васерштайн; протоколист Э. Штейман; Председатель Еврейской Воеводской Исторической комиссии магистр М. Турек; свободный перевод с еврейского М. Кватера». Стоит также отметить, что некоторые лица давали показания неоднократно, и иногда версии расходятся в деталях. Например, запись очередной беседы в Васерштайном, которая хранится в ŻIH под шифром 301/613, свидетельствует, что на кладбище убита группа из 50 молодых евреев и что уцелело 18 человек из Едвабне.

⁷ Месяца два спустя после того, как я отдал заказанный текст, я посмотрел фильм Агнешки Арнольд и осознал, что произошло. Я раздумывал, не взять ли назад свою главу, поскольку книга еще не была напечатана, но пришел к мысли, что история убийства в Едвабне имеет несколько измерений, и одно из них — процесс проникновения знания об этом случае в сознание историков, занимающихся периодом оккупации (то есть таких людей, как я), в широкое общественное сознание (мы увидим, как будет протекать этот процесс) и, наконец, в сознание самих жителей местечка Едвабне, которые живут с этим знанием уже три поколения.

Мне хотелось бы поблагодарить Агнешку Арнольд за возможность изучить рукописные записи проведенных ею

интервью и за разрешение мне дать этой книге название «Соседи», хотя именно так планируется назвать документальный фильм об уничтожении едwabненских евреев.

⁸ Эти рапорты, высылаемые ежедневно, начиная с июня 1941 года, находятся в федеральном архиве в Кобленце, Bundesarchiv Koblenz, под шифром R 58/214.

Подборка рапортов оперативных групп о положении на российских фронтах была также напечатана на английском языке под названием «The Einsatzgruppen Reports» в работе Ицхака Арада, Шмуэля Краковского и Шмуэля Спектора, издание «The Holocaust Library». New York, 1989.

⁹ Например, ни Кристофер Браунинг, ни Дэйвид Ингл, прекрасно знающие предмет и много лет работающие с немецкими архивами, о местечке Едwabне не слышали.

¹⁰ Виктор Нелавицкий (в настоящее время он живет в Израиле и носит имя Авигдор Кохав), который спасся от погрома и позднее находился в польском партизанском отряде, скрывая свое еврейское происхождение, вернулся в те места с двумя своими товарищами по отряду. Однажды они наткнулись на дорожный указатель с надписью «Едwabне», и один из его товарищей, минуту подумав, припомнил, что ему известно это название из немецкой кинохроники, виденной им в Варшаве, в которой демонстрировалось, как поляки убивали евреев в порыве «справедливого гнева» (беседа с Нелавицким, февраль 2000 года).

В актах дела Рамотовского мы находим также показания свидетельницы Юлии Соколовской, которые я буду цитировать в дальнейшем, а в них такую фразу: «Немцы стояли по бокам и снимали, а потом показывали людям, как поляки убивали евреев» (GK, SOŁ 123/630). Если принять во внимание рассказ Нелавицкого, то, по-моему, она имела в виду именно фильм, а не, скажем, выставку фотографий. Так что не исключено, что мы когда-нибудь сможем увидеть этот погром на экране.

¹¹ Многие евреи из Едвабне были живы к моменту завершения работы над этой книгой и разговаривали со мной об условиях жизни в городке до войны и об обстоятельствах июльского убийства: раввин Джейкоб Бейкер (Элезер Пекаж), который уехал из Едвабне в 1938 году, — его усилиями вышла в свет Памятная книга едвабненских евреев; его брат Гершель Бейкер, который пережил войну в окрестностях Едвабне; Авигдор Кохав (Нелавицкий), родом из Визны, находился в Едвабне во время погрома; Метек Ольшевич, переживший погром в Едвабне, — он был одним из тех евреев, которых прятала Выжиковская; его тогдашняя невеста Эдя Сосновская и Лейя Кубжанская (Кубран), тоже спрятанные Выжиковской; Шмуль Васерштайн (умер 9 февраля 2000 года). Я благодарен адвокату Таю Роджерсу, семья которого родом из Едвабне, за помощь в установлении контактов со многими лицами. Я разговаривал также с пани Антониной (Антосей, как зовут ее подопечные) Выжиковской, теперь живущей в Чикаго, а также с Яном Цитриновичем из Ломжи, семья которого перешла в католицизм в Визне еще до войны, и с пани Адамчик из Едвабне. Другие случайно встреченные жители старшего поколения городка, которых я расспрашивал об этих событиях, помнили о них немного, или их как раз не было в Едвабне.

¹² GK, SOŁ 123/200-202.

¹³ УОБ.

¹⁴ GK, SOŁ 123/763.

¹⁵ GK, SWB 145/205.

¹⁶ GK, SWB 145/267-270.

¹⁷ GK, SWB 145/199.

¹⁸ GK, SWB 145/274.

¹⁹ В польском языке названия национальностей пишутся с заглавной буквы. — *Примеч. перев.*

²⁰ GK, SOŁ 123/2.

²¹ GK, SOŁ 123/296.

²² В контрольно-следственных материалах мы находим «Докладную о начале разработки дела» от 22 января 1949 года, касающуюся «обвиняемых в сотрудничестве с немецкими оккупантами на территории г. Едвабне». После перечисления 23 фамилий (среди них есть и фамилия Собуты, против которого, как мы уже знаем, процесс был возбужден позже, в 1953 году) там сказано, что «в 1941 г., с момента вторжения войск немецких оккупантов на территорию г. Едвабне, вышеперечисленные лица начали убивать еврейских граждан, было убито около тысячи пятисот человек, которых сожгли в овине в г. Едвабне, а также закололи штыками на еврейском кладбище. Немцы в этом участия не принимали, а стояли рядом и снимали, как поляки измываются над евреями» (УОБ).

²³ Nicolas Werth, *Logiques de violence dans l'URSS stalinienne*, в: Henry Rousso, изд., цит. соч., Éditions Complexe, Bruxelles, 1999, с. 122,123.

²⁴ Особый интерес представляют прошения о помиловании и досрочном освобождении, написанные уже во время отбывания наказания. Этих прошений было так много, что суд в Ломже обратился 2 апреля 1954 года в суд в Белостоке с просьбой прислать материалы дела, поскольку «в названном деле 11 человек осуждены на длительные сроки, приговор приведен в исполнение местной прокуратурой, а обвиняемые продолжают посылать прошения о помиловании, досрочном освобождении и т.п.» (GK, SWB 145/786).

²⁵ И далее: «В качестве одного из ценнейших природных объектов в Европе, Бебжанские болота сейчас представляют собой Национальный Бебжанский парк. Это один из самых молодых и в то же время самый большой национальный парк в Польше» («Ломжа», топографическая карта Польши №-34-105/106, туристическое издание. Варшава, Wojskowe Zakłady Kartograficzne, 1997, verso).

²⁶ Kazimierz i Maria Piechotkowie, *Bramy Nieba: bożnice Drewniane na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej*. Warszawa, Krupski i S-ka, 1996, с. 231—231.

Сведения об истории городка Едвабне и живших там до войны евреях привожу, основываясь на рукописи (без названия), принадлежащей перу историка Белостокского края, Хенрика Майецкого, а также на памятной книге, посвященной едвабненским евреям, «Yedwabne: History and Memorial Book», Julius L. Baker and Jakob L. Baker, eds. Jerusalem — New York, The Yedwabner Societies in Israel and the Unated States of America, 1980. В примечаниях даю номера страниц только в случае цитирования. Как сообщает в своем труде Майецки, бывший директор Государственного архива в Белостоке, «существует чрезвычайно мало источников по истории Едвабне в межвоенный период. Поскольку не сохранились вообще документы ни магистрата и гминного правления, ни существовавших на этой территории общественных организаций, школ и предприятий. Неизвестны также [ему] источники типа дневниковых. Не сохранились и документы учреждений повятового уровня Кольненского и Ломжинского повятов, в состав которых попеременно входила территория, о которой идет речь» (цит. соч., с. 41).

²⁷ Yedwabne, цит. соч., с. 8.

²⁸ Там же, с. 20. Аптекарь, живущий в городке до сих пор, говорил, что среди едвабненских евреев «не было какой-нибудь интеллигенции. Все ремесленники, все работники невысокого уровня, возчики» (рукопись сценария фильма «Где мой старший брат Каин?» [рукопись], с. 489).

²⁹ «Франек и Сташек» (как он их называл во время беседы со мной в Нью-Йорке), которых Бейкер прекрасно знал и помнит, названы Васерштайном в числе самых главных злодеев 10 июля 1941 года. Станислав Селява был одним из обвиняемых на процессе Рамотовского.

³⁰ Рукопись, с. 489.

³¹ Распространенное производное от названия партии Народная демократия. — *Примеч. перев.*

³² Гершон Дейвид Хандерт написал очень интересную книгу о евреях XVIII века из Опатова, где наряду с другой информацией приводит точные цифры о размерах и предназначении «даров», которые выплачивала еврейская община в 1724—1784 гг. (the Jews in a Polish Private Town. The Case of Opatyw in the Eighteenth Century, The Johns Hopkins University Press. Baltimore and London, 1992, p.98—104).

³³ Варшава, WIH, шифр № 76, с. 36-37.

³⁴ Я имею в виду анкеты, собранные Историческим сектором Бюро документов армии Андерса, и работы по отдельным повятам, выполненные впоследствии на этой основе в Центре исследований в Лондоне, руководимом профессором Виктором Сукенницким. Необработанные анкеты и работы по отдельным повятам находятся в архивах Института Гувера в Калифорнии, хранятся в коллекциях Polish Government Collection и General Anders Collection. Упоминания о евреях из Едвабне, в которых, впрочем, не названо ни одно конкретное лицо, можно найти на с. 14, 45 и 99 машинописной работы о Ломжинском повяте.

³⁵ Янек Ноймарк, вернувшийся в Едвабне из-под немецкой оккупации в период советского правления, вспоминает свое разочарование, когда оказалось, что Советы конфисковали частную собственность и арестовали многих евреев (Yedwabne, цит. соч., с. 112).

³⁶ Х. Майецки, цит. соч., с. 56. Автор не приводит источников, из которых почерпнул эту информацию.

Ср. также Aneks № 3, «Список кадрового состава краевой советской власти в ломжинском районе в 1939—1941 годах», где приводятся те же самые фамилии, кроме Малышева, но с добавлением некоего Афанасия Федоровича Соболева (Michał Gnatowski, W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie

łomżyńskim w latach 1939—1941, Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im. Wagów, Łomża, 1997, с. 296).

³⁷ Рукopись, с. 158, 159.

³⁸ Kszysztof Jasiewicz, Tomasz Strzembosz, Marek Wierzbicki «Okupacja sowiecka (1939—1941) w świetle tajnych dokumentów». Warszawa, ISP PAN, 1996, с. 212. Стшембош также опубликовал на эту тему подробный текст в «Карте», под названием «Урочище Кобельно». Он приводит фрагменты бесед с участниками и непосредственными свидетелями этих событий, записанные в 80-х годах («Karta», nr 5. май — июль, 1991, с. 3—27).

О ликвидации этой подпольной организации пишет также Гнатовский, цит. соч., с. 125—127.

³⁹ И заканчивает Боравский следующими словами: «Кто будет это читать, я очень извиняюсь, ведь я не поэт, а так записал это на скорую руку» (Jan T. Gross i Irena G. Gross, отбор и обработка, «W czterdziestym nas matko na Sybir zesłali... London, Aneks, 1983, документ № 148, с. 330—332). Ср. также сообщение подпоручика Хенрика Пыптюка, хранящееся в архиве Исследований польского подполья в Лондоне (В.І.).

⁴⁰ Ср. также: Томаш Стшембош. Урочище Кобельно, цит. соч., с. 10, 11, 12, 15, 16, 19, 21.

Также Марек Вежицкий пишет, что «в 1939—1941 годах доносительство существовало также среди поляков и отмечалось в особенности на территориях исконно польских, например в западной части Белостокской области» (Marek Wierzbicki, «Stosunki polsko-żydowskie na Zachodniej Białorusi (1939—1941). Rozważania wstępne», рукопись, 1999—2000, с. 15). См. также: Гнатовский, цит. соч., таблица на с. 120, из которой следует, что в польских подпольных организациях на этих территориях не было евреев.

⁴¹ «Okupacja sowiecka (1939—1941) w świetle tajnych dokumentów», цит. соч., документ № 68. С. 238—241. См. также: Гнатовский, цит. соч., с. 127.

⁴² Доктору Дариушу Столе я обязан очень интересным предположением, как связать эти два явления: поскольку в результате раскрытия антисоветского подполья была арестована местная элита, возможно, в июле 1941 года в городе не было авторитетных людей, которые могли бы смягчить настроения и не допустить погромов. К сожалению, приводимое ниже сообщение Финкельштайна о Радзилове заставляет сомневаться в том, что местные элиты были готовы занять определенную позицию в этом деле.

⁴³ Беседа с Виктором Нелавицким (февраль 2000 года), которому тогда было шестнадцать лет, убежавшим в Едвабне из Визны, где сразу после вступления в город немцы уничтожили много евреев.

⁴⁴ Кароль Бардонь наиболее выразительная фигура среди обвиняемых по делу Рамотовского. Частично потому, что он оставил самую обширную информацию о себе и потому, что умеет писать. Но также и потому, что, когда читаешь его автобиографию, создается впечатление общения с человеком, который чувствует себя хотя бы в какой-то мере ответственным за совершенное и которому, безусловно, не повезло в нескольких ключевых моментах жизни. Например — он наверняка не был ведущей фигурой среди едвабненских убийц (я даже склонен ему поверить, что он в тот день почти не был на рыночной площади), но получил самый суровый приговор из всех. Бардонь единственный был приговорен к смертной казни, вероятно, только потому, что в момент арестов подозреваемых в январе 1949 года он уже отбывал в тюрьме шестилетний срок за то, что в более поздний период оккупации служил в немецкой жандармерии.

Его очередное, а возможно, исходное невезение состояло в том, что он был родом из Шленска Чешиньского и свободно говорил по-немецки. То есть он с самого начала оккупации был естественным посредником между немцами

и местным населением; потом доверенным лицом, а под конец и жандармом в униформе, служившим в Едвабне.

По желанию отца, который был социалистом и имел по этому поводу неприятности, он был учеником на часовом заводе. Во время Первой мировой войны служил в австрийской армии и был тяжело ранен. После войны работал механиком, но то и дело вынужден был менять работу. Наконец, в 1936 году осел в Едвабне и стал заниматься наладкой мельниц в окрестностях. Но с марта 1939 года стал безработным, потому что, как он написал, протестовал против условий труда. Ну и еще довольно необычно то, что у него на содержании было семеро детей (SOŁ, 123/496-499).

⁴⁵ GK, SOŁ 123/499.

⁴⁶ GK, SWB, 145/34.

⁴⁷ GK, SWB, 145/193.

⁴⁸ GK, SOŁ 123/296.

⁴⁹ ŻIH.

⁵⁰ ŻIH, коллекция частных сообщений, 301/974.

Я хотел бы поблагодарить пана адвоката Джозе Гутстейна, семья которого родом из Радзилова, за то, что он предоставил мне английский перевод сообщения Финкельштайна, опубликованного на идише в Книге памяти Радзилова.

⁵¹ Grayeve Yizker-bukh, eds., G. Gorin, Hayman Blum, and Sol Fishbayn, Aroysgegeben fun Fareynikin Grayever hilfskomitet. New York, 1950, s. 228—231.

⁵² Yedwabne, цит. соч., с. 100. В беседе Нелавицкий исправил некоторые неточности в англоязычной версии своего свидетельства, опубликованного в Памятной книге.

В восприятии местного еврейского населения ответственным за массовые убийства в Радзилове и частично в Визне — мы знаем это от Финкельштайна и Нелавицкого, а едвабненские евреи по рассказам своих тамошних родных — было местное население.

В Визне евреев казнили немцы, но местные поляки должны были сначала указать немцам евреев, поскольку визненские евреи, не будучи хасидами, не отличались внешне от поляков. В одном кровавом эпизоде 70 евреев (только мужчин, поскольку немцы примерно до середины сентября еще не убивали еврейских женщин и детей) забрали из нескольких домов при рынке, где те укрывались после бомбардировки города немцами, и расстреляли в каком-то овраге. Другое массовое убийство, на этот раз около двадцати человек, произошло в доме кузнеца на улице Сребровской, где скрывалось несколько семей (беседа с Нелавицким, февраль 2000 года).

Поэтому едвабненские евреи обратились к ломжинскому епископу с просьбой защитить их. Как во Львове, когда в 1941 году, после прихода немцев в город, украинцы начали кровавую расправу над евреями, городской раввин обратился к митрополиту Шептицкому, чтобы тот остановил преступные действия местного населения; так и Авигдор Бялостоцкий из Едвабне обратился за помощью к ломжинскому епископу.

⁵³ Хотя последний на заседании суда утверждал, что не исполнял никаких функций в магистрате, а лишь время от времени делал в здании, где размещалась городская администрация, какой-то ремонт, многие свидетели на процессе говорили о нем как о «заместителе» Кароляка или «секретаре» администрации (см., например, показания свидетелей Рамотовского и Гервада в GK, SWB 145/217, 226). Собута, как я уже писал раньше, был признан невиновным на своем процессе в 1953 году, так как ему нельзя было приписать участия в убийстве Купецкого. Но доказательств его участия и даже ведущей роли в погроме едвабненских евреев было множество. Достаточно просмотреть дело Рамотовского, где его фамилию упоминают среди прочих Рамотовский, Гурский, Небжидовский, Дауданьский, Мичура, Хшановский и Домбровский — то есть большинство

подозреваемых, проходящих по делу. (Ср., например, GK, SOŁ 123/610, 611, 615, 618, 653, 655.)

⁵⁴ Молодежь решила провести эту ночь на кукурузном поле, под утро они увидели группы крестьян, съезжающих на подводах и идущих пешком по дороге в Едвабне, что бывало только в базарные дни. Спустя несколько минут начался погром (Yedwabne, цит. соч., с. 100; беседа с М. Ольшевичем, октябрь 1999 года). Ср. также: «Rzecz pospolita» от 10 июля 2000 и «Gazeta Pomorska» 4 августа 2000.

⁵⁵ GK, SWB 145/218.

⁵⁶ GK, SOŁ 123/665.

⁵⁷ GK, SWB 145/506.

⁵⁸ «Сливецкий Эугениуш был в то время заместителем бургомистра и вместе с бургомистром подписал договор с гестапо, чтобы сжечь евреев, и именно он этот договор подписал... О том, что договор был подписан бургомистром и вице-бургомистром, я только слышал от людей» (GK, SWB 145/213). Мне хотелось бы еще в этом случае обратить внимание, что обстоятельства, связанные с событиями 10 июля 1941 года, были в Едвабне темой частых разговоров. В результате сведения об этих событиях у жителей города касаются не только фактов, непосредственными свидетелями которых они были. В показаниях часто повторяется формула «слышал от людей». «Вышеупомянутое убийство евреев в овине Шлешиньского жители города очень широко обсуждали и рассказывали, кто особо отличился в этом убийстве», — пишет, например, Хенрик Крыстовчук (GK, SWB 145/235). До сих пор можно без малейшего труда втянуть в разговор об этих событиях любого случайного посетителя бара в Едвабне. Как же случилось, что настолько распространенные сведения не нашли отражения в работах ученых, исследующих новейшую историю Польши?

⁵⁹ Мы можем только раздумывать, полностью ли соответствует правде одна подробность о ходе этой сделки, приводимая в сообщениях Васерштайна и Грондовского с чу-

жих слов, — а именно действительно ли на предложение немцев оставить в живых по крайней мере еврейских профессионалов-ремесленников Бронислав Шлешиньский (в овине которого большинство едвабненских евреев будет сожжено во второй половине дня 10 июля) запротестовал, говоря, что этого не нужно, поскольку среди поляков достаточно профессионалов. Виктор Нелавицкий, который убежал, прежде чем его вместе с толпой других евреев затолкнули в овин, впоследствии слышал такую версию: немцы уже рядом с овином предлагали пощадить какую-то небольшую часть евреев, так как нуждались в рабочей силе, на что им кто-то из руководивших акцией поляков заявил, что они поставят на работы сколько нужно своих.

⁶⁰ Эту цифру называет Бардонь, который работал в жандармерии. Так же оценивал численность поста Нелавицкий. (GK, SOŁ 123/505; беседа с Нелавицким, февраль 2000 года.)

⁶¹ GK, SOŁ 123/621.

⁶² GK, SOŁ 123/607.

⁶³ GK, SOŁ 123/612.

⁶⁴ GK, SOŁ 123/619.

⁶⁵ Как сказал свидетель Дановский во время очной ставки с Юзефом Собутой, против которого велось дело в 1953 году: «В этой акции немцы тоже принимали участие, но только отдавая приказания, а скорее, выражая согласие на некоторые шаги в этой акции» (GK, SWB 145/265).

⁶⁶ Абсурдные высказывания прокурора Монкевича о том, что массовое убийство в Едвабне было совершено 232 немецкими жандармами, которые приехали в город колонной грузовых машин, не заслуживают веры. Я полемизировал по этому поводу с Томашем Шаротой на страницах «Газеты Выборчей» (25—26.XI.2000).

⁶⁷ GK, SOŁ 123/685.

⁶⁸ GK, SOŁ 123/727.

⁶⁹ GK, SWB 145/218.

⁷⁰ GK, SOŁ 123/630.

⁷¹ GK, SOŁ 123/631. То, что евреи спаслись на посту полиции, подтверждает также Бардонь (см. ниже), Нелавицкий (беседа, февраль 2000 года) и Курбан (Yedwabne, s. 107). Нелавицкий также подтверждает, что при убийстве не применялось огнестрельное оружие и что среди преследователей евреев не было видно людей в форме.

⁷² GK, SOŁ 123/210.

⁷³ Этот отряд «вошел в городок Едвабне. Городской пост Гражданской милиции был вынужден обороняться. В это время подчиненные Вяруса ограбили кооператив, городскую администрацию и почтовое отделение. Во время этой акции один из членов группы произнес краткую речь, призывая население к борьбе с властями» (Хенрик Майеcki. *Białostocina w pierwszych latach władzy ludowej 1944—1948*, PWN. Warszawa, 1977, s. 181).

⁷⁴ Цит. соч., с. 150—151, 187, 194, 254, 257, 385.

⁷⁵ Tomasz Strzembosz, *Uroczysko Kobielno*, цит. соч., с. 5.

⁷⁶ GK, SOŁ 123/309. Бардонь описывает этот момент несколько подробнее в своей биографии 1952 года. Он рассказывает, что был уже вечер, когда они выходили с Домбровским, овин уже горел, и во двор жандармерии «вошли трое незнакомых мне штатских, молодые парни лет двадцати двух, один забрал мужчину, коловшего дрова, двое других убийц пытались забрать остальных двух. Услышав крик, во двор выбежал комендант поста жандармерии гауптвахмистр Адамый, говоря этим подонкам такие слова: что — мало вам было восьми часов разобраться с этими евреями, вы еще сюда теперь пришли, вон отсюда! Он выгнал этих преступников, двое евреев, что кололи дрова, остались, а третьего они уже увели» (GK, SOŁ 123/504, 505).

⁷⁷ «Я, работая с Домбровским целый день, ремонтируя автомобиль во дворе жандармерии, не видел ни одного приезжего жандарма или гестаповца». И далее как в тексте (GK, SOŁ 123/506).

⁷⁸ Юзефа Собуту, а также восемь обвиняемых по делу Рамотовского.

⁷⁹ Чеслав Липиньски, например, говорит: «Я сидел с этой палкой [на рынке] около пятнадцати минут, но я не мог больше смотреть, как они их убивали, [и] пошел домой». Однако за это время он, наверное, успел что-то совершить, так как за четверть часа сидения «с палкой» на рынке его бы не осудили на этом процессе на 10 лет тюрьмы (GK, SOŁ 123/607).

⁸⁰ GK, SOŁ 123/655.

⁸¹ GK, SOŁ 123/668.

⁸² GK, SOŁ 123/726.

⁸³ GK, SOŁ 123/620. Домохозяйка, пожилая женщина, Бронислава Калиновская, давая показания по делу Рамотовского, сказала: «В 1941 г., когда вступили войска немецкого оккупанта на территорию г. Едвабне, местное население начало убивать евреев. Как они издевались над евреями, смотреть было нельзя» (GK, SOŁ 123/686). А когда я беседовал на эту тему в Едвабне с пани Адамчик, которая тогда была маленькой девочкой, и родители в тот день оставили ее дома, она драматическим жестом схватилась за голову, вспоминая крики истязаемых и жуткий запах горящих тел.

⁸⁴ Рукопись, с. 490.

⁸⁵ «Gazeta Pomorska», Адам Виллма, «Подбородок моего сына», 4 августа 2000.

⁸⁶ Вот для иллюстрации поведения в такой ситуации жителей маленького городка запись из «Дневника лет оккупации Замойщины» Зыгмунта Клюковского от 13 апреля 1942 года: «Паника среди евреев еще усилилась. Они с утра ожидали каждую минуту появления жандармов и гестаповцев. [...] На улицу высыпало все отребье, в город съехало множество телег из деревень, и все почти целый день стояли в ожидании, когда можно будет начать грабить. С разных сторон доходили известия о безобразном поведении

части польского населения и грабежах покинутых еврейских квартир. В этом отношении наш городок наверняка от других не отстанет. (Dziennik lat okupacji Zamojszczyzny, Ludowa SpyDziennik lat okupacji Zamojszczyzny, s. 255.) В качестве иллюстрации к явлению волны погромов см. далее на тему погромов весной 1919 года в окрестностях Колбушовы. Об участии одних и тех же людей в очередных погромах говорится также в цитированном мною сообщении Финкельштайна о Радзилове.

⁸⁷ Дословная цитата из Дановского взята из показаний, которые он дал в августе 1953 года (GK, SWB, 145/238). Но в показаниях от 31 декабря 1952 года он упоминает о том, что около магистрата раздавали водку. Однако нам известно (из обоснования приговора, согласно которому Собута признан невиновным), что Дановский был алкоголиком. Возможно, именно потому эта подробность осталась у него в памяти (GK, SWB, 145/185, 186, 279).

⁸⁸ Yedwabne, цит. соч. с.102.

⁸⁹ Yedwabne, цит. соч. с.103.

⁹⁰ GK, SOŁ 123/503.

⁹¹ GK, SOŁ 123/734.

⁹² GK, SOŁ 123/503.

⁹³ «Gazeta Pomorska», Адам Виллма, «Подбородок моего сына», 4 августа 2000.

⁹⁴ GK, SOŁ 123/503, 504.

⁹⁵ GK, SOŁ 123/675.

⁹⁶ Yedwabne, цит. соч., с. 103.

⁹⁷ ŻIH, 301/613.

⁹⁸ GK, SOŁ 123/675; ŻIH, коллекция 301/613 (второе сообщение Васерштайна). На мой вопрос, что он точно видел на рынке, когда его туда привели, Нелавицкий ответил, что не слишком присматривался, только протискивался в центр согнанной толпы, поскольку вокруг кольцом стояли люди с кольями и били, кого могли достать (беседа, февраль 2000 года). Я уже говорил об этом раньше словами

свидетелей, которые повторяют, что «на это невозможно было смотреть».

⁹⁹ GK, SOŁ 123/653.

¹⁰⁰ GK, SOŁ 123/681.

¹⁰¹ ŻIH, 301/613.

¹⁰² GK, SOŁ 123/686.

¹⁰³ GK, SOŁ 123/614.

¹⁰⁴ GK, SWB 145/255. Так же описывают эти сцены и другие свидетели. Юлиан Соколовский: «Я помню, как, когда гнали евреев, гр. Собута дал свою палку раввину и велел ему надеть на палку покрывало с головы и кричать «из-за нас война, ради нас война». Вся эта колонна евреев, которых гнали за город к овину, кричала «из-за нас война, ради нас война» (GK, SWB 145/192); Ежи Лауданьский (GK, SOŁ, 123/665), Станислав Дановский (GK, SWB, 145/186), Зыгмунт Лауданьский (GK, SOŁ 123/667).

¹⁰⁵ GK, SOŁ 123/666.

¹⁰⁶ Yedwabne, цит. соч., с. 103.

¹⁰⁷ GK, SOŁ 123/618. Какую-то роль в этой выдаче керосина мог также сыграть и Бардонь (поскольку он, вероятно, как механик заведовал складом), но, как он утверждает, он разрешил Небжидовскому выдать керосин «для технических нужд, а не для того, чтобы сжигать овины с людьми» (GK, SOŁ 123/505).

¹⁰⁸ Yedwabne, цит. соч., с. 113.

¹⁰⁹ GK, SOŁ 123/685; сравни также показания Владислава Мичуры: «Издалека видел только Кобженецкого Юзефа, который поджигал овин» (GK, SOŁ 123/655).

¹¹⁰ GK, SOŁ 123/684.

¹¹¹ GK, SOŁ 123/734.

¹¹² GK, SOŁ 123/506.

¹¹³ «Rzeczpospolita», Качиньский, «Не убий», 10 июля 2000; «Gazeta Pomorska» Адам Виллма, «Подбородок моего сына», 4 августа 2000.

¹¹⁴ О семье Выжиковских следовало бы написать отдельную книгу, и я надеюсь, что кто-нибудь возьмется за это.

¹¹⁵ GK, SOŁ 123/675—677.

¹¹⁶ GK SOŁ 123/734.

¹¹⁷ GK, SOŁ 123/682—683.

¹¹⁸ GK, SWB 145/168.

¹¹⁹ GK, SWB 145/164—165.

¹²⁰ GK, SWB 145/253. Собута, разумеется, утверждает, что не трогал еврейской собственности. «После убийства граждан еврейской национальности я стал жить в бывшей еврейской квартире, поскольку своей у меня не было. [Интересно, как это, когда в каком-либо городе день ото дня пустеет более половины домов и квартир?] Когда мы вошли в бывшую еврейскую квартиру, в ней никакой мебели или каких-нибудь других бывших еврейских вещей не было, и я такими вещами не обладаю. Бывшие еврейские вещи были свезены в магистрат, что с ними после этого сделали, не знаю» (GK, SWB 145/267).

¹²¹ GK, SWB 145/165.

¹²² GK, SOŁ 123/728.

¹²³ GK, SOŁ 123/718.

¹²⁴ GK, SOŁ 123/712.

¹²⁵ GK, SOŁ 123/498.

¹²⁶ Раскаявшихся (*ит.*). — *Примеч. перев.*

¹²⁷ GK, SOŁ 123/273-274.

¹²⁸ Крик души (*фр.*). — *Примеч. перев.*

¹²⁹ Характеристику Ежи Лауданьского мы находим в документе, который называется «Информационный лист «dossier» подозреваемых в государственных преступлениях» и является составной частью контрольно-следственных материалов УОБ Ломжинского повята (УОБ).

¹³⁰ GK, SOŁ 123/809.

¹³¹ GK, SOŁ 123/702.

¹³² Вот, например, описание событий начала XX века: «Весной 1919 года начались в восточной части бывшей За-

падной Галиции *мощные, зверские крестьянские антиеврейские движения*, напоминающие «резню и набег», провозглашенные почти в тех же самых местах весной 1846 года Якубом Шелей», — я привожу слова учительницы, общественной деятельницы и местной патриотки из Кольбушовой, которая ни в коей мере не дарит евреев особой симпатией. «Собирались огромные толпы крестьян, мужчин, женщин и молодежи, ездили на телегах из города в город, вооруженные палками, били евреев и грабили их магазины и дома».

«В те времена поляки-католики, — поясняет она далее, — верили, что евреи, ненавидя католиков, которых называли «гоями», добавляют немного детской католической крови в свою мацу [...] Неизвестно, как возникло это поверье, но оно существовало, и католички-матери пугали им непослушных детей. В Глинке исчезла девушка, и толпа крестьян напала на еврейские дома, била и даже убивала евреев, грабила их дома и магазины. Это будоражащее известие [что евреи убили девушку на мацу, как можно догадаться] быстро распространилось среди деревенских жителей на больших территориях и вызвало *многолюдные и агрессивные, необычайно жестокие действия крестьян*. Начиная с 1 мая *толпы, вооруженные палками, топорами, вилами и тому подобными орудиями, напали на еврейские дома* [...], совершая погромы и большие грабежи» (весь курсив мой. — *Авт.*). (Халина Дудзиньская, «Кольбушова и ее жители в период рождения II Жечипосполитой Польской и борьбы за установление ее границ», «Rocznik Kolbuszowski» nr. 3, Kolbuszowa, 1994, str. 129.)

¹³³ «Недавно, — писал в августе 1946 года председатель Еврейского комитета в Ченстохове, Бренер, — 11-летний ребенок-христианин ходил со своей матерью по улице Гарибальди, где живет много евреев, и показывал дом, где его будто бы двое суток держали взаперти евреи. В этот раз соседи-христиане из дома рядом высмеяли мальчика и про-

гнали его [...] Хотя опасность почти уже миновала и все уже начали успокаиваться, это событие фатально отразилось на нашем районе. Люди стали спешно продавать квартиры, фирмы, мастерские и убегать. Куда? Никто не знает и не дает ясного ответа» (Głos Bundu, № 1. Warszawa, sierpień 1946). Ср. также «Кошмарное десятилетие», цит. соч., с. 104, 105.

¹³⁴ «The New Yorker», 23 XI 1998, «Похороненная родина», с. 51—52.

¹³⁵ Там же, с. 54.

¹³⁶ 2 мая 1962 года Ярослав Карвовский, племянник Выжиковских, записал это сообщение в Милянувке (ŻIH, 301/5825). Антонина Выжиковская в конце концов уехала за океан и поселилась в Чикаго (беседа, октябрь 1999 года).

¹³⁷ The Destruction of the European Jews, rev. ed., 3 vol. (1985), remains the standard and most comprehensive study of the efforts by the Nazis to exterminate the Jewish people. — *Примеч. перев.*

¹³⁸ Richard Breitman, The Architect of Genocide. Himmler and the Final Solution, Alfred Knopf. New York, 1991, p. 171—173.

¹³⁹ Michał Głowiński, Czarne Sezony, Open. Warszawa, 1998, s. 93—95.

¹⁴⁰ Michał Cichy, Polacy — Żydzi: czarne karty Powstania Warszawskiego, «Gazeta Wyborcza», в номере от 29—30 января 1994 года.

¹⁴¹ Шантажисты и вымогатели, оказывавшие услуги полиции. — *Примеч. перев.*

¹⁴² Я имею в виду разногласия на тему размещения монастыря сестер-кармелиток, освенцимских «крестов» и т.п., которые поглощали внимание общества во второй половине 90-х годов.

¹⁴³ Atina Grossman, Trauma, Memory, and Motherhood: Germans and Jewish Displaced Persons in Post-Nazi Germany, 1945-49, в: Archiv (103) für Sozialgeschichte 38, 1998, p. 215—

239, в особенности часть 1а, Introduction: Different Voices on «Armes Deutschland», p. 215—217. Интересна в этом контексте также статья Ханны Арендт, The Aftermath of Nazi Rule, «Commentary», October, 1950, p. 342—353 (на этот текст обратил мое внимание Александер Смоляр, за что приношу ему благодарность).

¹⁴⁴ Анджей Пачковский, Nazisme et communisme dans l'expérience et la mémoire polonaise, в Henry Rousso, цит. соч. с. 326. Польскоязычную версию цитирую по тексту, опубликованному в газете «Rzeczpospolita», 16—17 X 1999, «Мы, они и молчаливое большинство». Целиком работа Пачковского опубликована на польском в трех частях в «Жечипосполитой» от 4—5 IX 1999; 18—19 IX 1999 и 16—17 X 1999.

¹⁴⁵ Łukasz Kamiński, «Strajki robotnicze w Polsce w latach 1945-1948». Wrocław, GAIT Wydawnictwo s.c., 1999, s. 46.

¹⁴⁶ Однако мне трудно удержаться и не привести здесь краткий диалог, подслушанный раненой еврейкой в Кракове во время погрома в августе 1945 года: «В машине «скорой помощи» я слышала реплики санитаря и сопровождающего солдата, которые выражались о нас как о еврейских стервах, которых они должны спасать, что они не должны этим заниматься, что мы поубивали детей и что нас всех надо перестрелять. Нас отвезли в больницу св. Лазаря на ул. Коперника. Я пошла в операционную первой. Сразу же после операции появился солдат, который утверждал, что всех после операции заберет в тюрьму. Он же бил одного из раненых евреев, ожидавших операции. Он держал нас под дулом карабина, снятого с предохранителя, и не позволил выпить воды. Спустя некоторое время пришли два железнодорожника, один из которых сказал: «Это безобразие, чтобы у поляка не было гражданского мужества ударить безоружного человека» — и ударил раненого еврея. Один из больных стукнул меня костылем. Женщины, в том числе санитарки, стояли за дверью, угрожая нам и говоря, что ждут конца операции, чтобы растерзать нас» (ZIH,

301/1582). Сравни также: Jan Tomasz Gross, *Upiorna dekada. Trzy eseje o stereotypach na temat Żydów, Polaków, Niemców i komunistów*. Kraków, Universitas, 1998, в частности раздел «Цена страха».

¹⁴⁷ Yedwabne, цит. соч., с. 98.

¹⁴⁸ Krystyna Kersten, *Narodziny systemu władzy. Polska 1943—1948*, Libella, Paryż, 1986, s. 172.

¹⁴⁹ Обе цитаты — это фрагменты машинописных ответов на конкурс об опыте польской деревни, объявленный в 1948 году кооперативным издательством «Чительник». Конкурсные материалы были опубликованы спустя четверть века в четырех томах под названием *Wieś Polska, 1939—1948, materiały konkursowe*, opr. Krystyna Kersten i Tomasz Szarota, tom IV. Warszawa, PWN, 1971. Фрагменты, которые я привожу здесь, не были опубликованы как вызвавшие сомнения у цензуры. Доступ к полным текстам я получил благодаря любезности руководителя Лаборатории истории Польши после 1945 г. Института истории Польской Академии наук, профессора Томаша Шароты. В архиве лаборатории находятся оригиналы конкурсных материалов. Следует отметить поразительную откровенность этих ответов простых людей, ведь они посылали свои воспоминания в официальную организацию. Цитаты взяты из машинописных текстов под № 20 (931), с. 4 и 72 (1584), с. 5.

В альбоме фотографической выставки о преступлениях вермахта на Восточном фронте (*The German Army and the Genocide*, e dited by the Hamburg Institute of Social Research, The New Press, 1999), на с. 81 мы находим прекрасный снимок: немецкий солдат на мотоцикле в окружении улыбающихся молодых женщин, которые предлагают ему угощение, с подписью: «Ukrainian women offer refreshments» (Украинские женщины предлагают подкрепиться). Снимок прекрасно подошел бы для советской пропагандной иконографии 1939 года, когда, в свою очередь, Красная Армия «освобождала» эти земли.

О восторженной встрече соединений вермахта летом 1941 года на этих территориях можно узнать подробнее из фильма Рут Беккерман «East of War». Он состоит из интервью с ветеранами кампании на Восточном фронте, с которыми Беккерман разговаривала на выставке о преступлениях вермахта в Вене. Она подходила с камерой к пожилым мужчинам-посетителям выставки и записала потрясающие беседы с ними.

¹⁵⁰ The Einsatzgruppen Reports, цит. соч. с. 23.

¹⁵¹ Рукопись, с. 491.

¹⁵² Eric Voegelin, *Hitler and Germans*, University of Missouri Press. Columbia and London, 1999, p. 105.

¹⁵³ Я употребляю это слово вслед за автором трогательного мемориального эссе на тему своей родной деревни Борсуки, известным социологом Антонием Сулкой, «История бандитства в деревне Борсуки с древнейших времен», «Więź», ноябрь 1999, с. 103—109.

¹⁵⁴ «Население моей деревни и окрестностей в период девяти лет войны (крестьянин из белостокского села, написавший эти слова в 1948 году, несомненно, рассматривает все десятилетие как единое целое — кошмарное десятилетие. — *Примеч. авт.*) совершенно деморализовалось, люди перестали быть людьми труда, только появилась поговорка: пусть дурак работает, а я буду мошенничать. И мошенничали, выгоняли тысячи литров водки, отравляя ее разной дрянью». А вспоминая период советской оккупации в деревне Крошувка, грайевского повята (то есть в непосредственной близости от Едвабне) другой респондент дает такую картину соседских отношений: «Началось пьянство в большом масштабе в деревне, попойки, драки, кражи. Все, кто поругался друг с другом или у кого были старые счеты с кем-то, шли в управление и говорили, что такой-то и такой-то до войны были «политическими». Начались аресты, люди боялись, не известно было, за что можно оказаться арестованным» (*Więź Polska*, цит. соч., с. 125, 66).

¹⁵⁵ Andrzej Paczkowski, цит. соч., с. 311. Я цитирую по версии, опубликованной в Rzeczpospolitej, 4—5. IX. 1999, Nazizm i komunizm w świadomości i pamięci Polaków. Doświadczenia egzystencjalne.

¹⁵⁶ ŻIH, 301/579.

¹⁵⁷ Zygmunt Klukowski, Dziennik z lat okupacji Zamojszczyzny. Lublin, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1958, s. 299.

¹⁵⁸ В сообщении, высланном из-под советской оккупации 8 ноября 1939 года, сын генерала Янушайтиса писал в Лондон: «Евреи так чудовищно мучают поляков, и все, что связано с польской национальностью, находится под чужеземным советским господством [...], что поляки под этим господством, от стариков до женщин и детей включительно, при первой же возможности обрушат на них такую чудовищную месть, какой и представить себе не мог ни один антисемит». (Кошмарное десятилетие, цит. соч., с. 92.) Как описание ситуации, это было фальшиво, но как пророчество, увы, подтверждено позднейшими событиями.

¹⁵⁹ Цит. соч., с. 77.

¹⁶⁰ Цит. соч., с. 89.

¹⁶¹ Злая рука судьбы и в этот раз не пожалела антисемитов, ведь когда они уже проникли на главную политическую сцену к радости истиннейшего отечественного фашиста Болеслава Пясецкого и тучи журналистского сброда, то их «спасителем» стал украинец и вдобавок коммунист — Миколай Демко, более известный под политическим псевдонимом Мечислав Мочар, секретарь ЦК и член политбюро ПОРП. Чтобы побить этот рекорд, пришлось ждать тридцать лет, пока — при помощи нескольких сотен крестов, поставленных под стенами Освенцимского лагеря, — не начал давать отпор еврейскому тлетворному влиянию, к радости клерикально-шовинистической общественности, бывший убековец вместе с ксендзом не в своем уме.

¹⁶² Можно только надеяться, что молодое поколение начинает смотреть на это дело смелее, чем поколение роди-

телей. В Интернете на странице едwabненской школы (можно найти по адресу www.szkoly.edu.pl/jedwabne/historia.htm) сказано в безличной форме, что в Едwabне «совершен первый акт человекоубийства. В одном из овинов за городом сожжено заживо 1640 евреев». Несомненно, это шаг в направлении правды, и перед молодыми следует снять шляпу, ибо их ждет еще очень трудная задача помериться силами один на один с преступлением поколения собственных дедов.

СОДЕРЖАНИЕ

Адам Михник. По наказу совести 5

СОСЕДИ

О чем эта книга?	17
Источники	24
До войны	33
Советская оккупация, 1939—1941	39
Начало советско-немецкой войны и погром в Радзилове	46
Приготовления	61
Кто убивал евреев?	66
Убийство	75
Грабеж	85
Биографические подробности	88
Анахронизм	95
Что осталось в памяти	98
Коллективная ответственность	102
Новый подход к источникам	107
Можно ли быть одновременно преследователем и жертвой?	110
Коллаборационизм	116
Социальная база сталинизма	125
Необходимость новой историографии	129
<i>Примечания</i>	131

Гросс Я. Т.
Г88 **Соседи. История уничтожения еврейского местечка: Пер. с польск. — М., Текст, 2002. — 157 с.**
ISBN 5-7516-0321-4

Книга польского политолога Яна Томаша Гросса рассказывает об одном из тяжелейших эпизодов польской истории — еврейском погроме в небольшом городке Едвабне в июле 1941 г. После войны участников погрома судили, но они отделались относительно мягкими наказаниями. И лишь благодаря книге Гросса польское общество смогло осознать ужас страшного преступления, совершенного шестьдесят лет назад.

УДК 323/324
ББК 66.5(4/8)

Ян Томаш Гросс
Соседи

ИСТОРИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ
ЕВРЕЙСКОГО МЕСТЕЧКА

Редактор В.В.Петров

Лицензия ИД № 03308 от 20.11.2000
Подписано в печать 15.04.02. Формат 60 × 90/16.
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 6,75. Тираж 3500 экз. Изд. № 412.
Заказ № 6040

Издательство «Текст»
125299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7/1
Тел./факс: (095) 150-04-82
E-mail: textpubl@mtu-net.ru
<http://www.mtu-net.ru/textpubl>
Представитель в Санкт-Петербурге: (812) 311-96-31

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93

Ян Томаш Гросс (1947) — польский правозащитник, доктор социологии, писатель. Живет в США, преподает в Нью-Йоркском университете. Его книга о еврейском погроме летом 1941 г. в небольшом польском городке Едвабне вызвала шок в Польше. Гросс документально доказывает, что массовые убийства, которые на протяжении десятилетий приписывались немцам, были совершены жителями самого Едвабне. В течение нескольких дней озверевшая толпа уничтожила более полутора тысяч человек. Усилиями Гросса в расследовании преступления в Едвабне поставлена точка. «Мы обязаны воздать почести жертвам преступления, — сказал президент Польши Квасьневский, прочитав книгу Гросса. — Если этого не сделать, то станет очевидным, что шестьдесят лет спустя мы все еще прячем голову в песок».

ISBN 5-7516-0321-4

9 785751 603212

